

Георг
БОРН

Анна Австрийская,
или
ТРИ МУШКЕТЕРА КОРОЛЕВЫ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.111
ББК 84 (4 Нем.)
Б82

Серия основана
в 2007 году

Перевод с немецкого

Борн Георг

Б82 Анна Австрийская, или Три мушкетера королевы. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 794 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2681-2

Георг Борн (1837—1902) — известный немецкий писатель, автор популярных во многих странах остросюжетных историко-приключенческих романов, наполненных интригами, заговорами, страстями, погонями, дуэлями и авантюрами.

В публикуемом романе читатель встретится со знакомыми по произведениям Александра Дюма историческими персонажами — Анной Австрийской, Людовиком XIII, кардиналом Ришелье, герцогом Бэкингемом и конечно же с мушкетерами, у которых другие имена, другие судьбы, другие приключения, но такие же храбрые сердца и острые шпаги.

УДК 821.111
ББК 84 (4 Нем.)

ISBN 978-5-9922-2681-2

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І. КОРОНАЦИЯ

13 мая 1610 года парижский королевский дворец был залит огнями.

С высоких зубчатых стен Бастилии беспрестанно раздавались выстрелы; на балконах Лувра развевались богато расшитые флаги; толпы народа с песнями разгуливали по улицам. Мария Медичи, супруга Генриха IV, короновалась регентшей на время отсутствия короля. Он собрал огромное войско, отлично вооружил его и намеревался сам стать во главе, чтобы осуществить свои грандиозные планы.

Король Генрих, укрепив свое государство, собирался поддержать Бранденбургское и Пфальц-Нейбурнское курфюршества в борьбе за престол, а затем защитить Европу от Турции.

Четыре герольда, в голубых бархатных кафтанах и черных бархатных шляпах с развевающимися белыми перьями, возвещали жителям Парижа, что королева Мария Медичи назначается регентшей и будет короноваться. За герольдами следовали два литавщика и несколько барабанщиков. Седла их лошадей были покрыты серебряной материей с вышитыми золотом коронами. Впереди ехал отряд мушкетеров, за ними множество высших государственных сановников.

Процессия останавливалась на каждой из десяти городских площадей. Один из герольдов громким голосом объявлял о совершившейся в луврском тронном зале коронации королевы, затем раздавались звон колоколов и пушечные выстрелы.

Во время пышного обеда при дворе народу на площадях, украшенных триумфальными арками и гирляндами, щедро раздавали деньги и вино.

В большом тронном зале Лувра, отделанном золотом и мрамором, и в смежных с ним залах яркий блеск множества свечей соперничал с сиянием бриллиантов на дорогих нарядах дам и кавалеров. Огромные суммы были истрачены на изумительно роскошные костюмы

придворных красавиц — шелка и бархат, привезенные с далекого Востока, и воздушные кружева из Нидерландов.

С галереи огромного зала свешивались разноцветные флаги, а в глубине, под балдахином, расшитым золотом, с коронами наверху, возвышался трон. Высокие зеркала отражали всю эту ослепительную обстановку и продлевали до бесконечности ряды канделябров и сам тронный зал. Превосходные музыканты играли на хорах, лакеи в парадных ливреях разносили на серебряных подносах мороженое, шампанское и фрукты.

На королеве Марии была маленькая золотая корона и белое атласное платье с длинным шлейфом, который держали два хорошеньких молоденьких пажа в голубых бархатных кафтанчиках. Спереди платье расходилось и было подхвачено бриллиантовыми аграфами, открывая малиновую юбку, затканную золотыми цветами.

Гордо поднявшись с трона, она разговаривала с итальянцем Кончини, который, женившись на ее любимой камер-фрау Элеоноре Галигай, все больше и больше старался войти к ней в доверие.

Лицо королевы светилось торжеством. Никто не сказал бы, что супруге Генриха IV шел тридцать седьмой год; это была женщина в полном расцвете здоровья и красоты. Ее большие черные глаза ясно говорили о необузданной страстной натуре. Полунадменное, полусаркастическое выражение полных губ свидетельствовало, что Мария Медичи была склонна к интригам, а не в любви мужа и семье искала и нашла свое счастье. Честолюбие и ненасытная жажда власти руководили ею. Отчасти она уже достигла цели своих стремлений, которые поддерживали в ней Кончини с Элеонорой, — ее назначили регентшей на время отсутствия мужа. Но если Генрих не вернется, она станет неограниченной властительницей. Кончини и Элеонора всеми силами старались обратить ее внимание на такую возможность, ведь ее старший сын, Людовик, был еще совсем мальчик. И если Генрих вдруг умрет, вся власть сосредоточится в ее руках. В эту минуту, посреди праздника коронации, Кончини ловко внушал эту мысль королеве. При этом он не выпускал из виду маркизу де Вернейль, разговаривавшую неподалеку от них с герцогиней Бриссак. Его слов никто не должен был слышать, кроме Марии Медичи.

Немного поодаль стоял маркиз де Шале с несколькими посланниками, а еще дальше — десятилетний принц Людовик с графом де Люиньем, который был его пажом и стремился стать близким другом будущего короля.

Герцог Бриссак беседовал с несколькими министрами и высшими сановниками, а герцог д'Эпернон и величественная Элеонора Галлигой проследовали из душевного зала в галерею, где было свежее.

Пышность нарядов и великолепие праздника больше соответствовали желанию королевы, нежели короля. Она любила блеск и роскошь при дворе, в то время как ее супруг больше заботился об увеличении доходов государства и облегчении быта своих подданных.

Король Генрих не только на словах желал счастья французскому народу, он заботился о нем как истинный отец и знал, что подданные благодарны ему за это, искренне уважают и любят своего монарха.

Король вышел с принцем Конде из тронного зала в соседний голубой, тут тоже было свежее. Этот высокий, продолговатый зал был превращен в чудесный сад. Экзотическая зелень густо увивала стены, высокие тропические растения с белыми и алыми цветами обрзовывали уютные беседки.

Тут приятно было отдохнуть после шума и блеска тронного зала. Мягкий свет, падавший сверху, придавал особую прелесть этому помещению и, точно бледное сияние месяца, трепетал на цветах и деревьях.

— Мне так неприятны эти шумные торжества, кузен Генрих, — сказал король шедшему рядом с ним принцу Конде. — Ни один праздник еще не был для меня таким тягостным, как этот.

— Я заметил, ваше величество, хотя вы старались казаться веселым. Отчего же такая перемена, смею спросить?

— Да, во мне действительно есть перемена, и если я вам скажу, что испытываю все это время, то вы сочтете меня суеверным, принц, и вполне справедливо. Я как-то беспокоен и сегодня принуждаю себя быть веселым, — печально произнес король. — Знаете, кузен, мне кажется, что я доживаю свои последние дни.

Принц Конде с глубоким удивлением отступил, взглянув на сияющую здоровьем и силой фигуру короля. Генриху Наваррскому было не более пятидесяти семи лет, он был свеж и крепок как физически, так и нравственно.

— Ваше величество, вы заняты столь грандиозными планами, и вдруг поддаетесь таким мрачным мыслям.

— Может быть, мои планы выше моих сил, — ответил король, — хоть я и отношусь к ним почти с юношеским пылом, но не могу преодолеть мысль о том, что погибну по пути к своей цели... Вы не знаете, что с герцогом Сюлли?

— Все еще нездоров, ваше величество.

— Я завтра навещу доброго герцога, он так преданно охраняет наши финансы, — сказал король. — Я уже объявил свите, что собираюсь выразить свое участие герцогу, и заодно узнаю, как праздновал город сегодняшний день... Вот посмотрите, принц, случай с нашим добрым Сюлли ясно доказывает, что и мы можем ожидать внезапного нападения.

— Говорят, он захворал от напитка, который ему подал паж во время последней охоты в Фонтенбло, впрочем, есть надежда, что он выздоровеет.

— Напиток... Вот видите, кузен! Значит, действительно надо быть осторожным. Вы заговорили об охоте в Фонтенбло, — серьезно прибавил король, — и со мной там произошло нечто странное.

— Смею спросить, что именно, ваше величество?

— Да, принц, вам я расскажу этот случай, никто еще о нем не знает. Как вам известно, мы запоздали, и я отстал от остальных, преследуя кабана в чаще леса. Уже начинало смеркаться, когда я выехал на перекресток... Знаете этот большой перекресток недалеко от замка? Разыскивая вас и других, я поехал по дороге, как вдруг увидел шагах в пятидесяти от себя какого-то всадника на вороной лошади; он был весь в черном, с красным пером на шляпе. Я окликнул его, чтобы спросить, не видал ли он охотников, но всадник громко захохотал и, махнув рукой, умчался в чащу; я слышал при этом такой шум, будто за ним неслась целая свора собак. Мороз пробежал у меня по коже, кузен. Лошадь моя дрожала и пятилась, раздувая в испуге ноздри. Я пришпорил ее в том направлении, куда скрылся черный всадник, но она бросилась в сторону и ни за что не хотела слушаться меня.

— В сумерках, ваше величество, вам, вероятно, повстречался какой-нибудь охотник из местных, не знавший, что в этот день охотится двор, — сказал принц Конде.

— У меня хорошее зрение, кузен Генрих, и как вы знаете, спокойный характер. Уверяю вас, это было нехорошее явление, и мне определенно грозит какая-нибудь беда! Не знаю, с какой стороны ее ждать, но что не уйти от нее, так это верно, — сказал король задумчиво и очень серьезно.

Было видно, что случай, о котором он поведал, произвел на него тяжелое и неизгладимое впечатление.

— Ваше величество, я не изменю вам.

— Знаю, кузен, что на вас, на доброго Сюлли и на герцога д'Эпернона я всегда могу положиться. Вы, вероятно, уже слышали о стран-

ных толках, которые как раз соответствуют моему видению в лесу... За границей в последнее время распространяется слух, будто я умер. Это дошло даже до иностранных дворов, там встревожились и присылают к нам запросы.

По мере продвижения в глубину зала их голоса становились все тише. Некоторые гости также искали здесь прохладу после духоты тронного зала.

Между тем Элеонора Галигай и герцог д'Эпернон прошли в галерею, соединяющую два флигеля дворца. От подъезда к ней вела широкая мраморная лестница с золочеными перилами, вдоль которой стояли статуи и вазы с растениями. Галерея и лестница были устланы мягкими коврами.

Элеонора, жена Кончини, осторожно огляделась, в галерее не было никого, кроме дежурного мушкетера.

— Кто же это приходил просить вашего мужа об аудиенции у короля? — тихо спросил герцог.

— Он назвался Франсуа Равальяком. В его наружности есть что-то нехорошее, неприятное. Он только на днях приехал в Париж и страшно нуждается.

— Так ему надо бы помочь?

— Ему уже помогли, мой муж позволил этому Равальяку и еще нескольким буржуа прийти сегодня ненадолго сюда, в галерею, посмотреть на праздник. Этот человек, по-видимому, очень озлоблен и способен на дурное.

— Вы, конечно, удостоверились в его благонадежности? — спросил герцог.

— Мой муж дважды разговаривал с ним и сделал вывод, что на него можно положиться, — ответила Элеонора и, вдруг остановившись, указала своему кавалеру глазами на лестницу. — А вот он со своими спутниками, — шепнула она. — Я его узнала по длинному черному плащу наподобие тех, что носят флорентийцы, и по бледному худому лицу.

Д'Эпернон посмотрел в ту сторону, куда указывала Элеонора. По лестнице поднимался высокий стройный мужчина лет тридцати двух с истощенным бледным лицом, казавшимся еще бледнее от обрамляющих его длинных черных волос и косматой бороды. Ему, видимо, хорошо были знакомы голод и нужда. Озлобленность и отвращение к жизни читались в его беспокойных мрачных глазах. Элеонора была права, говоря, что этот человек способен на все. Одну руку он держал на груди под плащом. Остальные буржуа пришли, вероятно,

только для того, чтобы посмотреть на королевский праздник, и проявляли к окружающему неподдельный интерес.

Равальяк между тем быстро окинул взглядом галерею. Герцог д'Эпернон, заметив, что мушкетер направляется к вошедшим, поспешил с Элеонорой остановить его. Некоторым иногда позволялось прийти в Лувр, чтобы посмотреть на короля, поэтому Кончини не совершил в данном случае ничего противозаконного.

Равальяк, по-видимому, уже не раз видел Элеонору и говорил с нею, хотя она из осторожности не сказала об этом герцогу. Он низко поклонился и подошел к ней.

— Мы пришли посмотреть на короля Генриха, не будете ли вы так добры помочь нам в этом? — сказал он угрюмым, почти требовательным тоном.

— Нам бы не хотелось покидать Париж, не увидев нашего доброго короля, — добавили его спутники.

— К сожалению, теперь это невозможно, — мягко ответил герцог. — Его величество покинул зал.

— Разве король не пройдет здесь? — спросил Равальяк, все еще вынимая руки из-под плаща, как будто пряча что-то.

— Дожидаться здесь вам нельзя, — сказала, пожав плечами, Элеонора. — Герцог, вы бы сообщили этим добрым людям время, когда король отправится с вами завтра в цейхгауз навестить больного герцога Сюлли.

— Действительно, они смогут достаточно близко увидеть его величество, потому что король поедет по узкой улице Лаферронери, — приветливо отвечал герцог.

— По улице Лаферронери... Знаю, — сказал Равальяк, — а в каком часу?

— Это я вам могу сказать точно, потому что сам еду с его величеством, — отвечал герцог так добродушно, как редко с ним не случилось. — Его величеству угодно по возвращении из цейхгауза проехать по городу, чтобы посмотреть, как его украсили по случаю праздника. Сегодня он не успел это сделать. Король отправится в четыре часа.

— Хорошо, теперь я не ошибусь, — сказал Равальяк, пристально глядя на герцога д'Эпернона, — и мне не придется терять время на поиски. Так возле вас будет сидеть король? Этого мне достаточно.

— Да, это верно, — подтвердили спутники Равальяка и стали благодарить герцога.

Д'Эпернон выждал, пока они с Элеонорой остались одни.

— Этот человек мне нравится, — тихо сказал он. — У него, видимо, какие-то свои планы, которыми он сильно занят. Однако же

пойдемте в зал, наше отсутствие могут заметить. Кажется, завтра произойдет чрезвычайно важное событие, есть что-то такое в воздухе.

Элеонора с ледяной улыбкой посмотрела на герцога.

— Как странно, но я разделяю ваше предчувствие, — сказала она. — Думаю, что оно оправдается, и это принесет нам удачу.

— Король ходит с принцем Конде по голубому залу, он очень задумчив и серьезен, — прошептал д'Эпернон. — Не дошли ли до него какие-нибудь дурные вести?

— Не беспокойтесь, герцог, король поедет завтра в цейхгауз, — твердо и резко ответила Элеонора, что невольно покорило герцога. — Даю вам слово, что он сделает этот последний выезд.

II. УБИЙСТВО КОРОЛЯ

— Прочтите мне еще раз слова великого Нострадамуса, Элеонора, — сказала на другой день королева своей приближенной, сидевшей возле нее с большой старинной книгой в руках. — Мне не ясно таинственное предсказание.

— А между тем смысл его совершенно прост, ваше величество.

— Вы лучше, чем кто-либо, знаете и понимаете мистические пророчества, потому что и сами обладаете необыкновенными способностями. Я хорошо знаю, Элеонора, что вы читаете по звездам и можете разгадывать никому не доступные тайны. Прочтите еще раз предсказание и объясните мне.

Элеонора перевернула пожелтевшую страницу и торжественным голосом прочла:

«Когда он выпустит из сильной руки золотую корону, чтобы женщина управляла за него окруженной опасностью страной, тогда не пройдет и нескольких часов, как он из короткого пути, в который отправится, окажется на пути к вечности».

Мария Медичи внимательно прислушивалась к каждому слову, все больше и больше меняясь в лице. А между тем это предсказание так сильно тревожило ее тайные надежды и желания и так подходило к ее положению, что с каждой его строчкой перед нею вставала целостная и яркая картина.

— Вы мне, кажется, говорили, Элеонора, что король собирается сегодня выехать? — спросила она, немного помолчав.

— Его величество поедет недалеко, — отвечала с ударением Элеонора.

— И эта недалекая дорога обратится в вечную, — повторила королева. — Говорите, Элеонора, вы больше узнали, чем прочли.

— Хотя бы и узнала, ваше величество, но все-таки умолчу.

— Не стесняйтесь, отбросьте всякие формальности.

— Нет, я не должна говорить, чтобы пророчество сбылось. Скажу только, что завтра вся Франция будет у ваших ног.

— Элеонора, так король не вернется? — вскричала Мария Медичи, нервно схватив за руку свою приближенную. Она, видимо, не в состоянии была больше сдерживаться.

Улыбка скользнула по холодному лицу итальянки. Она видела, что может говорить все, что Мария Медичи стораает от нетерпения стать во главе государства. О том, что она не любит короля, Элеонора знала давно.

— Через несколько часов, ваше величество, вы будете королевой. Король сам идет навстречу своей судьбе, выезжая сегодня из дворца.

Мария Медичи испугалась. Уверенный тон Элеоноры сильно подействовал на нее.

— Его еще можно удержать, — вскричала она, как будто добрый ангел на минуту взял верх в ее душе.

— Этого не будет, ваше величество, — твердо отвечала Элеонора, принимая в эту критическую минуту повелительный тон. И прибавила с каким-то вдохновением: — Судьба короля должна свершиться.

— Какой ужас, — прошептала Мария, в страхе отступая от Элеоноры.

Итальянке этого и нужно было. Ее бояться, значит, ей будут подчиняться.

— Корона принадлежит вам, ваше величество. Мы должны подчиниться воле судьбы. Маркиза де Вернейль сейчас явится с сообщением о том, что король направляется к экипажу, вы успеете поклониться ему на прощанье.

— Элеонора, я вижу, что вы знаете больше, скажите, что вы прочли по звездам?

— Франция будет приветствовать регентшу, — ответила итальянка, искоса посмотрев на Марию Медичи. — Не бледнейте, ваше величество. Гордо и мужественно идите навстречу грядущему; наступает время вашей власти.

— Вы ужасны, Элеонора.

— Я только покорный слуга вашего величества.

— Но этого не будет, я удержу короля, — борясь в душе, вскричала Мария Медичи и хотела броситься к двери.

— Поздно, — сказала Элеонора, показывая на портьеру, из-за которой в эту минуту появилась мадам де Вернейль.

— Его величество садится в экипаж с герцогом д'Эперноном, — доложила маркиза.

— Вот из этого окна вам все будет видно, ваше величество, — сказала Элеонора.

Мария Медичи подошла. Еще не поздно было предостеречь короля, но честолюбие и жажда власти взяли верх в душе королевы. Она приветливо кивнула Генриху. Элеонора торжествовала.

Маркиза де Вернейль отворила окно.

— Посмотрите, ваше величество, как весело улыбается и благодарит вас король, — сказала, понизив голос, Элеонора, — это облегчает разлуку.

Королева легко поддалась убеждениям своей приближенной. Теперь, наконец, власть, слава, почести — все будет принадлежать ей. И она, гордо подняв голову, смотрела вслед удалявшейся карете.

Герцог д'Эпернон велел лейб-кучеру ехать в цейхгауз и сел подле короля. Он знал, что Генриха на дороге ждала смерть, и был так покоем и весел, как будто просто ехал кататься.

Король в этот день тоже казался веселее и приветливо отвечал на поклоны людей на улицах Парижа. Могло ли ему прийти в голову, что в Лувре его окружают враги, которые даже королеву завлекли в свои сети?

— Герцог Сюлли будет рад видеть меня, — сказал он д'Эпернону, — это честный, преданный человек без всякой примеси фальши.

— От этой радости герцог скорее выздоровеет, ваше величество.

— Я хочу проститься с ним, потому что скоро думаю уехать из Парижа и начать войну. Надеюсь, герцог, вы будете преданным министром и советником королевы в мое отсутствие. Я знаю, что могу на вас положиться.

— Цель моей жизни состоит в том, чтобы по мере сил служить вашему величеству, — отвечал д'Эпернон, а сам между тем осторожно искал глазами Равальяка. Он боялся, как бы убийца не принял его за короля, поскольку лишь вскользь говорил с Элеонорой и Кончини об искусно задуманном ими плане преступления.

Д'Эпернон увидел Равальяка, когда карета въехала в узенькую улицу Лаферронери. Убийца стоял у одного из угловых домов, спрятав руки под накинутым на плечи плащом.

Народу было мало, улицу занимали главным образом возы, и королевский кучер, с трудом сдерживая горячих лошадей, дол-

жен был ехать позади них до поворота на следующую, более широкую улицу.

Момент был самый удобный. Карета приостановилась. Равальяк быстро сбросил плащ, в два прыжка преодолел расстояние, и прежде чем король успел понять, в чем дело, как кошка вскочил на колесо. В воздухе блеснул кинжал.

Д'Эпернон с ужасом отшатнулся. Король вскочил и схватил убийцу за руку, но было уже поздно. Равальяк успел ударить его в грудь. Видя, что удар пришелся не в самое сердце, он ударил еще раз, сильнее. Генрих IV упал на подушки экипажа, обливаясь кровью. Герцог д'Эпернон растерянно вскочил.

— Короля убивают! Помогите, король умирает! — отчаянно закричал он.

Подбежало несколько человек. Равальяк попытался спастись бегством, но за ним бросились по пятам.

— Держите убийцу! Хватайте его! — кричали со всех сторон.

Возле экипажа уже толпился народ, раздавались плач и крики.

Король Генрих лежал неподвижно. В эту минуту сквозь толпу протиснулись два мушкетера. Герцог д'Эпернон хотел отдать им приказания, но они не обратили на него внимание и, по-видимому, хотели удостовериться сами.

Один из них был настоящий атлет.

— Каноник, — сказал он своему товарищу, — расчисти дорогу к тому дому.

Для этого не пришлось употреблять силу: один взгляд его черных глаз, один жест — и толпа быстро расступилась.

Второй мушкетер резко отличался от своего товарища, бывшего настоящим геркулесом. По его худошавой невысокой фигуре, желтовато-бледному цвету лица и особенной осанке в нем сразу был виден человек знатного происхождения, а прозвище Каноник наводило на мысль о том, что он променял рясу на шпагу.

Но в общей суматохе было не до наблюдений. Все удовлетворились тем, что два мушкетера — а мушкетеров вообще любили — оказывали помощь королю.

— Помочь тебе, Милон? — спросил Каноник своего товарища, пытавшегося приподнять короля.

— К несчастью, любая помощь уже бесполезна, — отвечал вполголоса Милон. — Где этот маркиз?

— Он побежал за убийцей, он поймает его, — сказал Каноник.

— Позовите доктора, помогите нашему доброму королю, — кричали женщины в отчаянии.

Мушкетер-геркулес осторожно поднял безжизненное тело Генриха IV и понес в ближайший дом. Оно было тяжелым, как гиря, но со стороны казалось, что мушкетер несет его словно перышко. Каноник и герцог д'Эпернон шли за ним. Люди вокруг падали на колени и плакали.

Милон положил убитого на приготовленную постель. Он видел, что все кончено. Прибывшие доктора только пожали плечами и объявили, что здесь их искусство бессильно. Тело уже начинало холодеть.

Благородный Генрих IV умер от руки убийцы.

Когда печальная весть дошла до народа, им овладела бешеная злость на убийцу. Огромная толпа бежала по улицам с одной лишь мыслью — схватить и умертвить его. Если бы убийца попал в руки своих преследователей, его бы непременно разорвали на куски.

Между тем короля отвезли в Лувр на покрытой черным колеснице. На следующий день тело поместили в дворцовой церкви посреди бесчисленного множества свечей. Мария Медичи окружила его всевозможной торжественной пышностью, чтобы показать, как сильно она горюет, и заглушить в себе упреки совести. Еще ни одна королевская похоронная процессия не выглядела столь пышно, как та, что сопровождала Генриха IV к месту его захоронения в Сен-Дени.

III. РАВАЛЬЯК

В то самое время, когда король выезжал с герцогом д'Эперноном из Лувра, богатый дом на улице Сен-Мартен, где жил Милон, покинули три мушкетера: геркулес Милон, Каноник и их товарищ, необычайно красивый мужчина лет двадцати восьми. Его лицо с густой темно-русой бородкой являло мягкость, благородство и какую-то застенчивую грусть, которая особенно была заметна, когда он улыбался. Голубой мушкетерский мундир его и короткий плащ были сшиты из самой дорогой материи, на черной шляпе развевалось редкой красоты перо, бархатные панталоны и белые чулки также имели безукоризненный вид.

Он взял Каноника под руку и торопливо вышел с ним на улицу, пока Милон говорил что-то на лестнице лакею.

— Что случилось, маркиз? — спросил Каноник со своей обычной невозмутимостью.

— Мне надо сказать тебе пару слов пока нет Милона, — отвечал он, — вернее, у меня есть к тебе просьба.

— Говори, в чем дело, приятель? Ты знаешь, что Джузеппе Луиджи всегда был преданным другом маркиза Эжена де Монфор.

— Несмотря на его осторожность и сдержанность в проявлении чувств, — с улыбкой добавил маркиз. — Как раз эти твои качества и заставили меня обратиться именно к тебе, а не к нашему Милону. Он великолепный человек, но слишком бурный, а ты, я знаю, не станешь добиваться, чтобы узнать больше того, чем я тебе скажу.

— Можешь быть уверен, я ведь никогда не расспрашиваю тебя о твоих тайнах, и теперь ты волен говорить мне лишь то, что захочешь.

— Так к делу, монсьеюр, пока не подошел Милон Арасский. Я попрошу тебя быть свидетелем одного обряда.

— В котором ты будешь участвовать, маркиз?

— Разумеется. Ты знаешь маленькую церковь Святого Флорентина в предместье Сен-Дени, недалеко от заставы? Она стоит на небольшой площади, в глухом месте.

— Не знаю, но найду.

— Через три дня, в полночь, я буду ждать тебя на паперти.

— Как, ночью? — спросил Каноник, пытливо вглядываясь в лицо маркиза.

В это время послышались шаги догоняющего их Милона.

— Да, в полночь, остальное узнаешь там. Дай мне слово, что никогда не станешь расспрашивать меня о том, что увидишь в церкви?

— Даю, — быстро ответил Каноник, и они замолчали с приближением своего товарища. Его прозвали Милоном Арасским, потому что ростом и силой он напоминал гиганта Милона Кротонского. Его старик-отец имел богатое имение Сент-Аманд на севере Франции, недалеко от Арасса. Огромный доход от имения давал ему возможность содержать сына в Париже, в королевских мушкетерах, куда поступали, как известно, только самые знатные дворяне.

У Генриха де Сент-Аманд, прозванного Милоном Арасским, было добродушное, открытое лицо с выражением уверенности в собственной силе. Ему незнакомы были подозрительность и страх, так же как хитрость и фальшь. Большие черные глаза отражали всю его душу, в противоположность Канонику, который больше всматривался в других, нежели позволял заглянуть в свой внутренний мир.

В то время как трое мушкетеров повернули с улицы Оньяр на улицу Рени, Равальяк, вскочив на подножку королевского экипажа, убил Генриха IV. Мушкетеры в первую минуту не поняли, отчего бежит и кричит толпа народа.

Вдруг маркиз увидел Равальяка с ножом в руке, убегающего от своих преследователей. Тут и товарищи его заметили королевскую карету, услышали плач женщин и крики мужчин. Милон и Каноник бросились к экипажу, а маркиз пустился в погоню за преступником, чтобы предупредить новое кровопролитие.

Бледный, весь в черном, с растрепанными волосами, Равальяк бежал со всех ног, но поняв, что ему не уйти от погони, прислонился спиной к стене одного из домов и стал отчаянно бить ножом направо и налево. Страшно было смотреть на него. Его платье и руки были в крови, вид которой еще больше разжигал в нем злобу.

С минуту никто не решался подступить к остервеневшему злодею. Бросившийся было к нему высокий коренастый кузнец не успел даже руки протянуть к убийце, как тот воткнул ему нож в горло. Кузнец упал замертво. Раздались крики разъяренной толпы.

Между тем преступник с каждой минутой становился все увереннее. Наступив ногой на убитого кузнеца, он ударил ножом еще одного буржуа, который пытался остановить его. И тот со стоном повалился на руки стоявших возле него людей.

Равальяк уже надеялся, что ему удастся убежать, и, оглядевшись, хотел отойти от дома, но в эту минуту увидел подходившего мушкетера и понял, что теперь для него наступила серьезная опасность. Он опять прижался к стене, ожидая нового врага.

— Возьмите ружье, убейте убийцу короля! — кричала толпа. — Разорвите его на куски.

— Прочь, — спокойно и строго крикнул маркиз. — Убийца должен быть взят живым и предан закону. Вы не должны убивать его.

Бесстрашный мушкетер быстро приближался к Равальяку.

— Сдавайтесь, я беру вас под арест, — крикнул он ему.

— Он вас убьет, вы погибнете, — закричали из толпы, увидев, что злодей опять замахнулся ножом.

Но маркиз, в одно мгновение выдернув из ножен шпагу, ловко выбил нож из рук Равальяка. Толпа радостно вскрикнула и бросилась за ножом, который воткнулся в противоположную стену.

Маркиз не мог сдержать народ, кинувшийся на убийцу. Равальяка повалили и непременно разорвали бы на части, если бы за него энергично не вступился мушкетер.

— Свяжите его, но не бейте, — приказал он. — Мы должны сдать его в ратушу. Не троньте его, прочь... Он должен назвать суду всех своих сообщников, наверняка же он был не один. Даю вам слово, что он не уйдет от суда...

Хладнокровие маркиза подействовало на толпу.

— Мушкетер прав, — раздались голоса со всех сторон. — Отдайте ему убийцу, у него есть сообщники, их тоже надо найти и наказать.

Между тем подошел отряд швейцарцев. Маркиз передал им Равальяка. Его повели в ратушу, на Гревскую площадь, и посадили в глубокую подземную тюрьму. Раненых также подняли и унесли.

Но подошедший народ неистово требовал выдачи преступника, чтобы разорвать его в клочья.

Кончини, советник Марии Медичи, вышел к горожанам и громко объявил, что негодование жителей Парижа вполне справедливо, и убийца подвергнется заслуженному наказанию. Затем он возвестил о вступлении на престол Людовика XIII, за малолетством которого управлять государством будет вдовствующая королева с помощью герцога д'Эпернон и маршала Кончини.

Все это произошло на другой день после убийства короля Генриха IV. Фигурально говоря, Мария Медичи поставила свой трон на его труп; первыми советниками ее стали убийцы, в руках которых Равальяк был лишь простой пешкой. Он должен был умереть, и казнь его должна была совершиться как можно торжественнее, как можно ужаснее, на открытой площади, чтобы удовлетворить народ. Все зависело от Элеоноры и Кончини. Судьбы были их креатурами, парламент состоял из их приверженцев.

В камеру к заключенному под страхом смерти не велено было никого пускать, кроме священника и палача. Старый тюремный сторож Пьер Верно получил строгое приказание подслушивать все разговоры с Равальяком и подробно передавать их Кончини. За верное исполнение приказа ему была обещана награда чистым золотом. Допрос Равальяка, проведенный формально, ничего не дал. Он сознался, что совершил преступление из ненависти ко всему человечеству, и не назвал сообщников.

В один из следующих вечеров в тюрьму явился старый почтенный священник.

— Мне поручено до конца быть при этом несчастном, — сказал он Пьеру Верно, — и подготовить его к смерти. Пустите меня исполнить мой скорбный долг, чтобы бедный грешник покаялся и облегчил свою душу.

— Да, уж не первый раз вы приносите сюда это благодеяние, пater Лаврентий, — отвечал сторож, много лет знавший его. — Разве приговор уже объявлен?

— Объявлен, и через несколько дней назначена открытая казнь, — сказал старый пater.

— К чему его приговорили?

— Несчастливого будут четвертовать лошаадьми... Страшная смерть.

— Но он ее заслужил, отец мой, — отвечал Пьер Верно. — И это будет настоящее зрелище для народа.

Старик взял фонарь и повел монаха вниз, в мрачную камеру преступника. Свет проникал в нее сверху из крошечного окошка в потолке. У стены стояли стол и стул, на столе была кружка с водой и распятие, на полу лежал соломенный тюфяк, покрытый одеялом.

Равальяк не встал с тюфяка при входе патера и сторожа. Глаза его злобно сверкали; он внимательно смотрел на вошедших. Пьер Верно поставил фонарь на стол и ушел, заперев за собой дверь.

Узнав духовника, Равальяк поднялся и стал говорить с ним. Пьер Верно тихонько прокрался в соседнюю камеру и приготовился подслушивать, как велел это делать ему Кончини. Оттуда, приложив ухо к стене, можно было разобрать каждое слово.

— Облегчите свою душу, — сказал патер Лаврентий после нескольких набожных увещаний. — Признайтесь во всем, чтобы я мог помолиться с вами, пока не наступил ваш последний час.

— Мой последний час еще не скоро наступит, — уверенно отвечал Равальяк. — Молитесь о себе, святой отец, вам раньше меня придется умереть.

— Кто внушил вам такие надежды, несчастный? Не верьте этому, вас обманывают.

— Человек, который гораздо сильнее вас, поклялся меня спасти. Не спрашивайте меня, я вам все равно ничего не скажу.

— Да разве вы не знаете, что вы уже приговорены?

— Приговор не будет приведен в исполнение... Уходите с Богом к себе в монастырь.

— Вас обманули. Никто не спасет вас, даже сам король не смог бы этого сделать. Поэтому не отталкивайте меня, я один могу принести вам утешение. Вам не удастся избежать смерти, ибо весь народ стережет вас, требует вашей крови. Не надейтесь спастись бегством, если бы вам и открыли тюрьму, свое пристанище вы все равно нашли бы только в могиле.

— Ты правду говоришь, старик?

— Клянусь Святой Девой, сама королева не смогла бы теперь спасти вас. Судьи объявили приговор, и народ ждет казни. Не дрожите, будьте мужественны, вам предстоит суровая смерть, ищите утешение и силы в молитве и покаянии... Вас будут четвертовать.

Келья огласилась таким воплем, что сторож вздрогнул.

— Вы лжете... Вон отсюда! Вы лжете! — кричал Равальяк.

— Примите утешение Господне, несчастный. Я до последней минуты буду с вами... Облегчите душу от тяжелого бремени.

— Так негодяй изменил клятве и бросил меня?

— В чем заключалась эта клятва?

— На третью ночь после моего дела мне обещано было дать мешок с золотом и устроить так, чтобы я смог бежать. Так вы говорите, народ стережет меня?

— Верьте мне, вы уже в руках палача. Кто же дал вам такую лживую клятву?

— Кончини и Элеонора Галигай клялись мне в этом. Они мои сообщники... И если меня ждет казнь, то на помосте мы должны стоять вместе.

Сторож задрожал от страха.

— Несчастный, вы потеряли рассудок, — сказал патер Лаврентий. Равальяк дико расхохотался.

— Уж не заодно ли вы с ними? — спросил он. — Верно вы, сговорившись, решили выдать меня за сумасшедшего? Я в полном уме, как и вы, как все остальные.

— Так расскажите мне все. Патеру Лаврентию вы можете довериться.

— Поклянитесь, что никогда, пока я жив, вы никому не откроете тайны моей исповеди?

— Клянусь.

— Если меня казнят, вы отомстите им за предательство. Я дрожу от бешенства при одной мысли об этих людях. Кончини и Элеонора Галигай подкупили меня, чтобы я убил короля. Они поклялись на распятии вознаградить меня и дать возможность уехать морем. Они подогревали во мне ненависть и ручались, что я получу отпущение своих грехов...

— Ужасно все то, что я слышу, едва могу поверить этим словам... — сказал патер Лаврентий. — Но вы ведь не станете усугублять свою вину в последние часы вашей жизни. Этим вы уже ничего не измените в своей судьбе.

— Плохо им будет, если они отдадут меня в руки палача. Тогда и их будут четвертовать, потому что я громко назову их своими сообщниками. Народ и их бросит ко мне на эшафот... — отчаянно прокричал Равальяк.

За стеной Пьер Верно понял, что слушать больше нечего. Патер Лаврентий начал увещевать арестанта и склонять к раскаянию.

Выйдя из камеры, старик постоял несколько минут в раздумье, не зная, передавать ли маршалу Кончини слышанное. Пьер Верно по-

мнил, что ему приказано передавать все до последнего слова, но он боялся оскорбить маршала, повторив слова Равальяка. Послушание, однако, взяло верх, и старик отправился к Кончини.

Маршал велел сейчас же впустить его к себе в кабинет, где разговаривал в это время с Элеонорой. Пьер Верно почтительно извинился, робко ссылаясь на то, что передает не свои слова, а слова арестанта, и подробно повторил разговор Равальяка с патером.

Кончини и Элеонора отлично умели скрывать свои чувства и только украдкой переглянулись, дослушав рассказ сторожа до конца.

— Благодарю вас, Пьер Верно, — сказал маршал, когда он кончил. — На днях вы получите обещанное вознаграждение. Этот убийца, сумасшедший, бесстыдный негодяй надеется спастись, придумывая себе сообщников. Продолжайте хорошенько стеречь его. Я верю, что почтенному патеру удастся смягчить его зачерствевшую душу, и привести к полному раскаянию.

— Идите скорей, — прибавила Элеонора, — и ни на минуту не оставляйте арестанта.

Старик, низко кланяясь, обещал исполнить все, еще раз попросил милостиво простить его и ушел в ратушу.

— Кончини, — тихо и серьезно сказала Элеонора, — этот сторож и патер Лаврентий могут быть нам опасны...

— Скажите лучше, что они могут быть опасны королеве и нам, Элеонора. Но, будьте покойны, они не заговорят, — ответил маршал.

IV. ТАИНСТВЕННАЯ СВАДЬБА

Была темная душистая майская ночь. Среди низко нависших туч временами сверкала молния.

Предмесье Сен-Дени, теперь совершенно слившееся с городом и состоящее из прекрасных улиц, было пока еще мало заселено. Дома, большей частью небольшие, окружали садики, обнесенные невысокими изгородями.

По узкой улице торопливо шел какой-то человек, и лишь при блеске молнии можно было увидеть на нем мушкетерский мундир. Навстречу ему неся чудесный аромат цветущей сирени, вдали, в кустах, щелкал соловей. Но мушкетер, видимо, ничего этого не замечал и внимательно вглядывался в темноту, стараясь понимать свой путь.

— Застава будет дальше, — пробормотал он, останавливаясь. — Маркиз говорил, что церковь Флорентина стоит поодаль, на малень-

кой площади, но в этой темноте ничего не увидишь, нигде ни огонька, ни одной живой души. Вот и полночь, — прибавил он, прислушиваясь к бою часов, доносившемуся с городской колокольни, — а я никак не доберусь до места.

В эту минуту ярко блеснула молния.

— Вот, — вскричал он, — теперь я вижу церковь.

Мушкетер свернул в узенькую боковую улицу и вскоре вышел на площадь с церковью Святого Флорентина. Портал и стрельчатые окна были слабо освещены, по глубокой тишине вокруг трудно было предположить, что в церкви готовится какой-нибудь торжественный обряд.

Мушкетер вошел, и тотчас же из темного угла церкви к нему направилась какая-то высокая фигура.

— Звонарь церкви Флорентина имеет честь просить в церковь монсеньора Луиджи, графа Фернезе, — с почтением произнес он.

Мушкетер, которого товарищи называли Каноником, поблагодарил кивком и последовал за звонарем.

Слабый свет свечей боролся с тенью от колонн, пахло ладаном. Каноник беспокойно оглядывался по сторонам. Его шаги по плитам гулко отзывались под сводами церкви, смешавшись со стуком колес подъезжающей кареты.

Через минуту дверь отворилась, и звонарь ввел даму в черном под вуалью. Казалось, что она больна или очень слаба, потому что звонарь вынужден был поддерживать ее. На руках она держала что-то завернутое в шелковое одеяло. По фигуре видно было, что это очень молодая особа. Когда звонарь подвел ее к стулу у алтаря, она вздрогнула от неожиданности, заметив мушкетера, который весьма церемонно поклонился ей.

Между тем стеклянная дверь еще раз отворилась, и в церковь вошел маркиз. Он почти одновременно с дамой совершил обычную короткую молитву. Звонарь исчез за алтарем, вероятно, сказать священнику, что все готово к началу обряда. Маркиз, стоявший в нескольких шагах от дамы, слышал ее тихое рыдание. Красивое лицо его было очень бледно. Видимо страшная борьба происходила в душе этого человека. Он старался побороть в себе глубокую скорбь и сдержать наворачивавшиеся на глаза слезы.

Высокий священник лет сорока вышел к алтарю и, склонив голову, начал молиться. Дама с трудом встала. Звонарь подошел к ней, шепнул несколько слов и взял то, что она держала на руках. Дама откинула дрожащими руками вуаль. Каноник сознался в душе, что никогда еще не видел такого прелестного лица. Несмотря на болезнен-

ную бледность щек и печаль больших черных глаз, в облике молодой женщины была какая-то неотразимая прелесть. Художник смело мог бы рисовать с нее кающуюся Магдалину. На длинных опущенных ресницах дрожали слезы, черные волосы красиво обрамляли высокий лоб, полные алые губы слегка дрожали.

Священник взглядом пригласил их подойти. Звонарь встал несколько позади и откинул шелковое покрывало, под которым обнаружилось маленькое прелестное дитя. Когда Каноник подошел ближе к ступеням, священник важно и почтительно поклонился ему.

— Мы собрались здесь, чтобы совершить двойной обряд, — начал он. — Надо узаконить ребенка, мальчика. Исполняя свой долг, я спрашиваю вас, Магдалена Гриффон, согласны ли вы неизменно принадлежать маркизу Эжену де Монфору, стоящему подле вас? Если вы добровольно отдаете ему свою руку, отвечайте мне громко и ясно своим согласием.

Женщина подняла голову, по-видимому, собираясь с силами, и громко ответила:

— Да, я согласна неизменно принадлежать маркизу Эжену де Монфору.

Священник обратился с тем же вопросом к мушкетеру, и тот ответил утвердительно. Каноник, замерев, внимательно прислушивался к каждому слову.

— Маркиз де Монфор, — спросил священник, кончив обряд венчания, — какое имя вы хотите дать мальчику, который теперь принадлежит к вашей фамилии и имеет право на ваш герб?

— Он родился в день святого Эстоми, так пусть ему дадут это имя, — ответил мушкетер.

Дитя записали в церковную книгу под именем Эстоми де Монфор. Магдалена Гриффон опять взяла его на руки и с невыразимой горячей любовью прижала к сердцу.

— Я должен сообщить новобрачным, — сказал священник, совершив заключительную молитву и спускаясь со ступеней алтаря, — что разрешение из Рима получено, и заключенный брак может быть снова расторгнут, как только этого пожелают обе стороны. Признано, что нужно было только дать имя ребенку, затем родители могут указать какую-нибудь незначительную причину и требовать развода.

Он поклонился маркизу, Канонику и едва стоявшей на ногах Магдалене, и так же неслышно ушел за алтарь, как и появился оттуда.

Что значил этот брак, который через несколько дней собирались расторгнуть? Какие обстоятельства так жестоко разъединили этих

двух людей, только что так таинственно, в полночный час, соединенных перед Богом? Болезненный вид прекрасной Магдалены и полное страдания лицо маркиза ясно говорили о какой-то роковой неотвратимости. Что могло встать между этими двумя людьми, по-видимому, неизъяснимо любившими друг друга? Кто из них был виноват? Только не маркиз! Его благородной душе были чужды всякие обман и подлость.

Значит, виновата Магдалена Гриффон? С трепетом обнимая свое дитя, она боязливо оглянулась на свидетеля этой ночной сцены. Он отошел в сторону. Звонарь тоже на несколько минут удалился. Маркиз подошел к Магдалене, которая горячо прижала к груди ребенка.

— Я знаю, что вы хотите сделать, Эжен, — пылко сказала она. — Вы имеете полное право требовать того, что хотите сделать, но это разрывает мне сердце.

— Магдалена, не осложняйте нашу разлуку, мы ведь пережили тяжелый час, — отвечал маркиз. — Беречь раны неразумно, вы только прибавляете себе страданий.

— Мне отраднее слышать это, Эжен, ведь я ищу смерти... Вы благороднейший человек, а я несчастнейшее существо в мире. Я всегда буду смотреть на вас как на святого. Простимся же в последний раз, мы больше никогда, никогда не увидимся... Я чувствую, что только смертью искуплю свою вину. Тогда, Эжен, помолитесь за мою бедную разбитую душу и простите несчастной Магдалене Гриффон за все то, что она вам сделала, она и так жестоко расплачивается за это.

— Я вам все прощаю, Магдалена, да сохранит вас Бог.

— Теперь, Эжен, возьмите дитя. Вы требуете этого, и я отрываю его от своего сердца, исполняя ваше желание, — прошептала бедняжка. Слезы душили ее. — Возьмите это сокровище, последний залог любви, но хорошенько спрячьте, — прибавила она с лихорадочным отчаянием в голосе и слезами в широко раскрытых глазах. — Может наступить момент, Эжен, когда материнская любовь перейдет всякие границы, и тогда я, как безумная, буду искать свое дитя, найду его и унесу. Это будет свидетельством того, что Магдалена Гриффон еще жива.

Слезы залили ее лицо. Звонарь поспешно подошел к маркизу, который взял ребенка у пошатнувшейся Магдалены, и принял его на руки.

— Я вас провожу до кареты, вы больны и слабы, — сказал маркиз де Монфор Магдалене, почти теряющей сознание.

— Это последняя услуга, которую вы оказываете неблагодарной, — едва внятно прошептала она, опираясь на его руку.

Сцена была настолько драматичной, что даже звонарь, так же мало понимавший, что происходило, как и Каноник, едва мог сдерживать волнение. Он держал дитя, а маркиз медленно вел силившуюся овладеть собой Магдалену к выходу. У паперти стояли две кареты, и у отворенной дверцы одной из них ожидал лакей. Маркиз с нежной заботливостью посадил даму в карету.

— Батист, — сказал он лакею, — смотри хорошенько за госпожой в дороге. Сейчас же как приедете, пошлите за старым доктором, припадок может повториться. Употребите все средства, чтобы помочь ей.

Лакей почтительно поклонился, захлопнул дверцу и вскочил на козлы. Через мгновение экипаж скрылся в ночной темноте. Маркиз вернулся в церковь и подошел к Канонику.

— Благодарю тебя за дружескую услугу, — сказал он, пожав ему руку. — Теперь все кончено, не будем никогда больше об этом вспоминать.

Друзья простились. Каноник пошел домой, а маркиз попросил звонаря отнести за ним дитя в карету.

Кучер, видимо, уже знал, куда ехать. Звонарь захлопнул дверцу, и лошади быстро помчались по темным улицам предместья. В церкви Святого Флорентина гасили свечи.

Было около двух часов ночи, когда карета остановилась у маленького домика с мезонином на улице Лаферронери. На улице было тихо и пустынно. Неожиданно пошел дождь, крупными каплями орошая плиты мостовой. За темными окнами дома отсутствовали всякие признаки жизни. Маркиз приподнял и опустил дверной молоток. Его металлический звук гулко разнесся по безлюдной улице. Через несколько минут за дверью послышались тихие шаги и замелькал слабый свет.

— Кто стучится так поздно? — спросил ворчливый голос.

— Отворите, Ренарда, мне надо поговорить с вами, — вполголоса ответил мушкетер.

— Неужели... или я ошибаюсь? Да неужели это вы?

— Да, я, маркиз, не бойтесь, милая Ренарда, ничего особенного не случилось.

— Иисусе, — вскричала, отворяя дверь, старая луврская судомойка. — Да как же это вы ночью? После несчастья с нашим добрым королем, да погибнет убийца в геенне огненной, я всего боюсь.

Болтливая старуха впустила гостя, низко поклонилась ему и продолжала, тараща глаза:

— Святая Генофра, а на руках-то у вас... и ночью, ночью.

— Дитя, как видите, Ренарда, но закройте скорее дверь и пойдёмте наверх. Мне надо поговорить с вами.

Судомойке было жаль, что не удалось вдоволь поахать и выразить свое удивление, но пришлось исполнять приказание маркиза. Она заперла дверь, и со свечой в руке стала подниматься по старой крутой лестнице.

— Ступайте вперед, маркиз, — прошептала она, — только потихоньку идите, чтобы жильцы не услышали да не выдумали чего-нибудь.

Мушкетер невольно посмеялся над старой Ренардой. Ее лицо с острым подбородком, обрамленное широкой оборкой большого ночного чепчика, выражало нетерпение и любопытство. Они вошли в комнату мезонина, где старуха жила одна после смерти мужа и сына.

Ренарда поспешно заперла дверь, поставила свечу на стол и опустила занавеси, точно боясь, как бы соседи не увидели у нее ночного посетителя.

— Господин маркиз, так что же случилось? — спросила она, глядя то на мушкетера, то на спавшее дитя.

— Не будьте любопытны, милая Ренарда. Я обращаюсь к вам с просьбой, поскольку всегда считал вас хорошей, аккуратной женщиной.

— Да, это было моей единственной гордостью после смерти моего маленького Нарцисса... Ах, если бы вы видели этого ангела! Уж не знаю, на кого он был похож, только не на моего мужа. Да, это был настоящий ангел, оттого он так скоро и улетел на небо.

Она утерла крупные слезы.

— Все знаю, милая Ренарда, вы сто раз мне об этом рассказывали. Памятуя, как горячо вы любили свое умершее дитя, и считая, что на вас можно положиться, я хочу обратиться к вам с просьбой.

— Пожалуйста, господин маркиз, вы ведь знаете, что за вас и за господина Милона я готова и в огонь, и в воду...

— Не возьмете ли вы этого мальчику на воспитание?

— Дитя... Но подумайте, господин маркиз, что скажут люди? Мой муж ведь уже три года как умер, упокой его господи. Ничем нельзя было ему помочь, он умер от дьявольского искушения, от запоя. Между нами будет сказано, у него чуть ли не синее пламя изо рта пыhalo.

— И это знаю, Ренарда. Согласны ли вы оставить у себя дитя?

— Ах, это такой же ангел, как и мой маленький Нарцисс, — сказала старуха, складывая руки и любясь мальчиком. — Как он невинно спит. Крошечка ты моя... Да чей же это ребенок? — вдруг спросила она, недоверчиво посмотрев на мушкетера.

— Вы ведь одинаково не поверите, если я скажу, что это мое дитя, или дитя герцога де Монтобана, или принца Конде...

— Да, это знатное дитя, видно по всему, — сказала Ренарда, сделав многозначительное лицо, — и по нежному личику, и по хорошенным ручкам, и вот по этим дорогим кружевам вижу, что нельзя расспрашивать.

— Да, Ренарда, нельзя. Я вас попрошу даже сдерживать свой словоохотливый язык и не говорить, кто вам принес ребенка.

— Я умею молчать, господин маркиз, вы еще меня не знаете с этой стороны...

— Ну вот и увидим.

— Ангельчик ты мой. Как мне отказаться от такого хорошенького ребенка, он так напоминает мне моего Нарцисса. Ах, я буду нянчиться с ним, день и ночь буду отгонять мух от его миленького личика и прятать его здесь, как свое сокровище.

— Пожалуйста, сделайте это, моя добрая Ренарда, вам ничего худого от этого не будет.

— Я его буду звать Нарциссом, — сказала старуха, нежно взяв дитя на руки. — Не говорите о деньгах, господин маркиз, мне ничего не нужно, ведь я получаю отличное жалованье.

— Если вы не возьмете этой помесячной платы, Ренарда, я не оставлю у вас мальчика, — отвечал мушкетер, положив на стол кошелек с деньгами. — За ним надо хорошо ухаживать и хорошо его одевать.

— Конечно, как знатное дитя. О, ему будет хорошо, как какому-нибудь маленькому принцу в Лувре.

— И не болтайте, Ренарда. Вы знаете, до меня все дойдет, я буду иногда навещать малыша.

— Милый ты мой, голубчик, Нарцисс мой крошечный, — говорила с радостным волнением старуха, звонко целуя зарумянившиеся от сна щечки малютки. — Ах, я уже чувствую, что буду крепко любить это дитя.

— Ну, я очень рад. Прощайте, однако же, Ренарда, — сказал мушкетер, подавая ей руку.

Она взяла свечу и проводила его вниз.

— Благодарю вас, господин маркиз, идите скорее, как бы мой маленький Нарцисс не проснулся, — сказала старуха, отпирая ему дверь.

Мушкетер ушел.

— У нее ребенку будет хорошо, — вслух подумал Эжен де Монфор, усаживаясь в карету.

V. ОБРАЗЦОВОЕ ИСКУССТВО ПАЛАЧА

На рассвете, 27 мая 1610 года, толпы народа со всех концов Парижа стекались на Гревскую площадь посмотреть на страшное зрелище. Самые любопытные спешили занять места получше. У домов стояли экипажи знати, крыши были плотно усеяны простолюдинами. Отряды швейцарцев едва сдерживали народ, оберегая пространство; которое должно было остаться свободным.

С Гревской площадью, где готовилась страшная казнь, были связаны самые жуткие воспоминания. Тут ручьями лилась кровь, пылали костры и смерть являлась во всевозможных видах, сопровождаемая такими изощренными мучениями, какие только человек способен был придумать. Тут по приказанию Екатерины Медичи умер на виселице благородный Брикемон, замучен мужественный Кавань только за то, что оба они были не одной с нею веры. Здесь по ее велению пытали и казнили графа Монтгомери, капитана шотландской гвардии, за то, что на турнире осколок его копья случайно попал в глаз королю. Не перечесть всех тех, кто пал на этом месте под топором палача.

Давка была страшная. Беспреданно слышались испуганные крики и зов на помощь, но на это не обращали внимания. Толпа ждала казни Равальяка, убийцы короля.

Все взоры были обращены в сторону эшафота, который соорудили здесь минувшей ночью. Он представлял собой низенькие подмости с железными кольцами посередине и привязанными к ним крепкими ремнями. Швейцарцы теснили народ подальше от этих подмостков и от дороги, которая вела сюда от запертых еще дверей ратуши. Пятеро помощников палача в красных рубашках и черных шароварах водили вокруг эшафота пять сильных лошадей, взнузданных веревочной уздой и взвивающихся на дыбы, точно демонстрируя свою силу перед тем, как разорвать Равальяка.

Именно это жуткое зрелище, не виданное уже несколько десятков лет, и привлекло народ на Гревскую площадь. Всем хотелось по-

смотреть на искусство молодого палача Филиппа Науре, о котором говорили, что он в течение нескольких дней до казни упражнялся на трупах самоубийц, проделывая с ними на своем дворе ужаснейшие вещи.

По толпе вдруг пробежал шепот, и все стали смотреть на окна ратуши.

— Теперь уже недолго, скоро начнут, — раздавалось со всех сторон, — вон, у окна, стоит итальянец, он распоряжается казнью... Кончини, любимец королевы, он разговаривает со своим адъютантом и отдает ему приказания.

В эти минуты отворились широкие ворота ратуши, откуда выехали мушкетеры и выстроились по обе стороны дороги. Всем бросилась в глаза гигантская фигура Милона Арского, возле которого стояли маркиз и Каноник.

— Идут, идут, — послышалось в толпе, затем наступила мертвая тишина.

Уныло зазвонили колокола, заглушенные вскоре боем барабанов. По распоряжению Кончини барабанщики шли впереди процессии. Маршал, разумеется, устроил все так не без оснований. Оглушительный барабанный бой не позволил бы слышать человеческий голос.

Выход процессии несколько замедлился из-за того, что не могли доискаться Пьера Верно, старого тюремного сторожа. Его наконец нашли — мертвым в камере, рядом с той, где сидел Равальяк.

Когда об этом доложили маршалу Кончини и сказали, что возле трупа Пьера Верно лежала пустая бутылка из-под вина, которую принесли Равальяку, но тот отказался от нее, всемогущий итальянец не велел этого оглашать, чтобы не задерживать казнь. Он заметил, что со стариком, вероятно, сделался удар от не в меру выпитого вина.

Призвав затем еще раз Филиппа Нуаре, маршал дал ему какое-то приказание, которого тот, по-видимому, ожидал, потому что уверенно поклонился и показал тонкий крепкий шнурок из конского волоса.

Кончини велел процессии двигаться дальше.

За барабанщиками шел отряд солдат, которым велено было стоять у эшафота и после совершения казни сдерживать лошадей, предупредив тем самым возможное несчастье. Вслед за солдатами шли двое судей, потом Равальяк, скованный по рукам и ногам цепями, бряцание которых смешивалось с барабанным боем. При его появлении раздались бешеные крики, взметнулись руки, сжатые в кулаки.

Равальяк обвел презрительным взглядом толпу. Лицо у него было бледно, как у мертвеца, черные волосы коротко подстрижены на затылке, борода сбрита.

Справа от него шел, склонив голову, патер Лаврентий, захотевший до последней минуты оставаться при осужденном, слева находился стройный, очень высокого роста палач.

Филиппу Нуаре было около тридцати лет. У него было немного длинное, бесцветное лицо с выражением невозмутимого достоинства. Из-за длинной черной бороды, падавшей до половины груди, он казался старше своих лет. Его высокая фигура в черном плаще и черном бархатном берете казалась на вид очень хрупкой, а между тем говорили, что он отличался удивительной силой. Рядом шли два его помощника.

Затем следовало человек десять монахов со сложенными в молитве руками и опущенными головами. Ряд солдат замыкал шествие. Мушкетеры оставались у ратуши.

Народ был доволен, что убийца любимого короля не ушел от наказания. У эшафота барабанщики и солдаты остановились, а судьи, палач и священник взошли на подмости. Затем помощники палача ввели преступника, который не оказывал ни малейшего сопротивления, будто не страшился смерти.

Вдруг он изменился в лице, взглянув на окно ратуши. Там стоял маршал Кончини. Страшная злоба исказила лицо Равальяка, он вздрогнул и хотел оттолкнуть помощников палача, подойти к краю эшафота и громко обвинить в сообщничестве итальянца и его жену. Но при первом же звуке его голоса помощники палача, по знаку хозяина, повалили дрожавшего от злобы преступника.

Слова замерли у него на губах. Палач очень ловко, незаметно для народа, накинул ему на шею приготовленный шнурок из конского волоса, и так быстро и крепко затянул, что через несколько секунд бешеные порывы тела превратились в предсмертные судороги. Он захрипел, и все было кончено. Помощники палача привязали к железным кольцам эшафота уже безжизненное тело Равальяка. Но толпа не знала этого и, затаив дыхание, ждала. Старый патер Лаврентий, с ужасом смотревший на все это, опустился на колени и стал молиться.

Между тем на край эшафота ступил один из судей и громко зачитал приговор:

— «Мы, Мария, регентша Франции, от имени малолетнего короля Людовика Тринадцатого, совместно с нашими министрами, при-

знали правильным и приказали предать палачу и казнить четвертованием на открытой площади убийцу короля Франсуа Равальяка».

Следовало число, месяц, год, указание на собственную подпись королевы и королевскую печать. Судья передал бумагу палачу, мельком взглянувшему на подписи королевы, герцога д'Эпернона и Кончини.

Затем помощники палача подвели лошадей к самому эшафоту и закинули на него веревки, соединенные с упряжью.

Филипп Нуаре дал знак, помощники быстро привязали веревки к ремням, затянутым вокруг шеи, рук и ног Равальяка. Палач взял бич и громко шелкнул им. Помощники выпустили из рук поводья, бешеные животные взвились на дыбы и изо всей силы рванулись в разные стороны. Раздался громкий продолжительный крик.

Женщины, стоявшие в толпе, не ожидали такой ужасающей картины. Увидев, как лошади, сейчас же схваченные солдатами, тащили за собой на веревках оторванные руки, ноги и голову преступника, они закричали и закрыли лица руками. Даже мужчины не могли без содрогания смотреть на это. Доски эшафота обагрились алой кровью казненного.

Некоторые из мужчин и женщин подошли и подставили платки под стекавшую кровь убийцы короля.

Опять забили барабаны. Судьи, монахи и палач покинули площадь, предоставив помощникам сложить обезображенные останки в черный ящик, который после заката солнца без молитвы и отпевания должны были опустить в яму, вырытую в особом углу у ограды кладбища.

VI. АННА АВСТРИЙСКАЯ

— Их величества уже уехали из Лувра? — спросил принц Генрих Конде у любимца молодого короля графа Люиня, встретив его в приемной Людовика XIII.

— Король садится в экипаж, — ответил де Люинь.

— А наша молодая прекрасная королева?

— Герцогиня де Шеврез передала сейчас, что ее величество одевается.

— Так надо поторопиться, граф. Поедьте вместе в моей карете.

— Очень благодарен, ваше высочество.

Они пошли через анфиладу комнат в галерею, где наблюдалось оживленное движение камергеров и придворных дам. Лакеи с доро-

гими шубами и шалями в руках бежали к стоявшим у подъезда экипажам.

— Многое изменилось за эти пять лет после смерти короля Генриха, — сказал принц Конде. — Подумайте только, как его скоро забыли, граф.

— Только здесь, в этом дворце, ваше высочество, — отвечал де Люинь.

— Припоминаете, как скоро королева-мать снова повеселела и как радостно вступила на трон единодержавной правительницей.

Они вышли из подъезда, и принц повыше поднял воротник широкого плаща. Стоял довольно холодный январский вечер.

— Желанная цель наконец достигнута, — промолвил, понизив голос, граф де Люинь.

Они сели в карету принца Конде.

— Во дворец маршала Кончини, — сказал принц кучеру и продолжал, когда экипаж тронулся: — Я приношу жертву, принимая приглашение на этот вечер. Терпеть не могу этого итальянца, любимца королевы-матери, которого она сделала маркизом д'Анкр. С вами, граф, я могу быть откровенным, мне очень неприятен надменный и властолюбивый Кончини.

— Я с вами согласен, ваше высочество. Если бы не желание короля, я ни за что не переступил бы порог дома этого маршала, который так кичится своим положением, — отвечал де Люинь.

По его лицу было видно, как он ненавидит Кончини.

— После смерти короля Генриха он замечательно пошел в гору, в его стремительном взлете есть что-то загадочное. Мне как-то не по себе при этом человеке и при его вечно улыбающейся супруге, о которой говорят, что она умеет колдовать и предсказывать. Королеву-мать она действительно как будто приворожила. Но молодая королева, Анна Австрийская, насколько я заметил, недолюбливает ее... Но вот мы и приехали.

— Да, Кончини не скрывает богатств, которые нажил путем своего управления. Обратите внимание, ваше высочество, как пышно здесь принимают сегодня молодых и как стараются ослепить их блеском, и взгляните, как в то же время мрачно смотрит на все это народ, спеша пройти мимо.

— Это они от холода жмутся, — презрительно отвечал Генрих Конде. — Маршал принимает все меры к тому, чтобы сделать народ счастливым и довольным.

В это время лакей отворил дверцу кареты, и разговор оборвался. Подъезд дворца Кончини, маркиза д'Анкр, был ярко освещен.

В огромной передней толпились лакеи в богатых ливреях с гербами своего могущественного повелителя. В следующей затем огромной комнате собралось множество офицеров и придворных. В полукруге между широкими мраморными лестницами, которые вели в парадные комнаты, высоко бил ароматный фонтан. При взгляде на цветы и плоды тропических растений забывалось, что на дворе зима и ледяная стужа.

С галереи живописными складками свешивались богато расшитые драпировки с гербами королевы-матери, короля и молодой королевы Анны Австрийской. Стены украшали превосходные фрески работы лучших художников.

Но всего великолепнее был зал для приема гостей, куда следовало проходить через пышно убранную комнату, разделенную на две половины — для дам и для мужчин. Кончини, любивший польстить, назвал ее залом королевы. Но в то же время, чтобы польстить и себе и показать свое высокое положение, следующую за ним овальную комнату назвал ротондой маршала и отделал ее с не меньшим великолепием.

Вдоль стен зала королевы располагались полузакрытые, с большим вкусом драпированные малиновым шелком ниши в виде палаток, в которых гости могли отдыхать от ослепительного блеска зала. Свечи канделябров прикрывались здесь матовыми пунцовыми колпачками, что придавало освещению более мягкий тон. С четырех углов зала можно было пройти в буфеты, где на убранных цветами столах стояли всевозможные фрукты, конфеты и вино.

Кончини и Элеонора встречали гостей перед главным залом. Для каждого у них была припасена приветливая улыбка, соответствующее случаю слово. Они одинаково любезно говорили и с герцогиней Сюлли, и с принцессой Монморанси, и с графом де Люином, и с принцем Конде, и со своим сообщником герцогом д'Эперноном.

Большой зал был уже полон гостей. Ждали обещавший приехать двор. Наконец заиграли торжественные рожки. Придворные кавалеры и дамы стали полукругом. Приехали молодые — король Людовик, несколько недель тому обвенчавшийся в Бордо с Анной Австрийской, инфантой Испании. Кончини и Элеонора, выказывая глубокое почтение, проводили королевскую чету в зал. За ними следовали несколько флигель-адъютантов, герцоги де Сюлли и де Бриссак, за пятнадцатилетней королевой — герцогиня де Шеврез, маркиз д'Алансон и приехавшая с ней из Испании ее первая приближенная донна Эстебанья.

Людовик был ровесником Анны Австрийской. По его несколько угрюмому и недовольному лицу видно было, что он тяготится празднествами, Анна Австрийская, напротив, сияла счастьем и радостью. Ее стройная, нежная фигура и прелестное личико, казалось, несли с собой свежее благоухание весеннего утра. От нее веяло такой милой невинностью, словно от едва раскрывшегося розового бутона. Она так мило и непринужденно улыбалась, не нарушая при этом установленного этикета, который так строго соблюдался в то время при испанском дворе, что очаровала положительно всех.

В ее черных волосах, природными локонами падавших на белые плечи, сверкала бриллиантовая диадема. Розовое атласное платье, убранный спереди белыми розами, мягко облегалo ее хрупкую фигуру. Открытый лиф, отделанный белым кружевом, позволял любоваться прелестной шеей. Прозрачная белая вуаль воздушными волнами ниспадала из-под диадемы на плечи и спину, придавая таинственное очарование всему ее облику. Из-под платья видны были крошечные розовые атласные башмачки, в руках, обтянутых белыми перчатками, юная королева держала маленький розовый веер. Ее темные блестящие глаза сияли счастьем и надеждой. Она еще не знала, что ее ожидает при пышном расточительном французском дворе, не подозревала, с каким замкнутым и необщительным человеком была отныне связана, и что впоследствии он сделается еще мрачнее и подозрительнее. Ей еще неведомы были ни светлые, ни темные стороны души короля.

Марии Медичи пока не было в зале. Она хотела войти последней, чтобы ясно показать, кто в государстве первый, и заставить сына и его супругу почтительно кланяться ей.

О, королева-мать не упускала ни одного случая подчеркнуть, что власть пока еще в ее руках, хотя король Людовик был уже объявлен имеющим право голоса при решении государственных дел. Недаром же она всем пожертвовала для достижения своих честолюбивых замыслов.

Нарядные гости низко поклонились королю, вошедшему под руку с Анной Австрийской, и все признали, что молодая королева была очаровательной и олицетворяла собой истинную женственность. Но в глубине зала, возле приглашенного на вечер Каноника, стоял юноша, испытывавший к ней нечто большее. В этот день он уже второй раз видел молоденькую королеву, этот прелестный южный бутон, и готов был упасть перед ней на колени и целовать край ее платья.

Каноник заметил восторг молодого человека по его сияющему лицу.

— Наша юная королева действительно очень хороша, — тихо сказал он. — Вы, кажется, приехали в Париж вместе с королевским свадебным поездом, виконт д'Альби?

— Несколькими днями позже, — машинально отвечал виконт, не сводя глаз с Анны Австрийской, любезно разговаривавшей с окружавшими ее дамами.

— Вы из Беарна, значит, имели случай видеть королеву до свадьбы?

— Как же, — отвечал Этьен д'Альби, — в первый раз я увидел ее величество в По, где граф де Люинь приветствовал ее от имени короля, чтобы сопровождать в Бордо для бракосочетания. Это были незабываемые для моего родного города дни.

— А теперь хотите остаться в Париже?

— Я думаю поступить в мушкетеры и добиться славы, — отвечал молодой беарнец.

Глаза его сверкали. Ему было лет двадцать с небольшим. Мужественная высокая фигура и свежий цвет лица свидетельствовали, что он еще был не знаком с шумной, бурной жизнью больших городов. Маленькие черные усы красиво оттеняли губы, темные глаза смотрели открыто и прямодушно.

— Так мы будем с вами товарищами, виконт, — сказал с улыбкой Каноник.

— Почту за честь и удовольствие быть вашим товарищем, граф Фернезе, — отвечал Этьен д'Альби.

Разговор прервался громкими звуками рожков. В зал входила королева-мать. В ее свите были маркиза де Вернейль, верная ученица и шпионка Элеоноры, гладко выбритый подвижный маркиз де Шале и важный Арман Ришелье, которому Кончини дал место на государственной службе, а Мария Медичи сделала его своим раздавателем милостыни.

Мария Медичи была в палевом атласном платье, длинный шлейф которого несли два пажа. Несмотря на свои сорок два года, она все еще была прежней величественной красавицей. Лицо ее выражало лишь гордость и холодность, а улыбка на нем появлялась лишь для того, чтобы показать, что при всем своем могуществе она может быть любезной и милостивой.

Элеонора и ее муж встретили Людовика и Анну Австрийскую на верхней ступени лестницы, а для встречи Марии Медичи сошли вниз, потому что она была настоящей королевой, управляющей от

имени Людовика XIII. Он охотно возлагал на нее заботы и тяготы правления, занимаясь в основном охотой или предаваясь уединению. Мать дала ему прелестную молоденькую жену, стараясь окружить его всевозможными развлечениями, чтобы отлучить от управления государством.

Мария Медичи холодно ответила на поклон сына, поцеловавшего ей руку, и слегка прикоснулась губами ко лбу поклонившейся ей Анны Австрийской.

Граф де Люинь, скрестив руки на груди, стоял поодаль у одной из ниш и, нахмурясь, смотрел на эту сцену. Любимец молодого короля тоже жаждал власти и ждал только времени, когда Людовик XIII сам возьмется за управление государством и откажется от услуг ненавистного Кончини. Де Люинь терпеть не мог маршала и его жену, но видел, что еще не настал час их свержения.

Пока Мария Медичи благосклонно разговаривала с Людовиком и Анной Австрийской, маршал подошел к виконту д'Альби, которого отец в письме горячо поручал его покровительству.

— В мушкетерском полку нет ни одной вакансии, любезный виконт, — сказал ему Кончини, — но вы мне нравитесь, и я хотел бы показать вашему почтенному отцу, что такие услуги, которые он оказал Франции на войне, не забываются двором. Пойдемте со мной к ее величеству королеве-матери. Я устрою для вас аудиенцию, которая устранит всякие затруднения на вашем пути. Представители самых старинных фамилий добиваются чести служить в королевских мушкетерах. Надеюсь, что в вас я буду иметь особенно достойного и преданного мне офицера.

— Постараюсь всеми силами доказать мою признательность за вашу доброту, — отвечал Этьен.

Через минуту он стоял перед королевой-матерью и Анной Австрийской. Молоденькая королева, по-видимому, узнала его, и ее прелестное личико озарилось улыбкой.

— Маркиз, вероятно, хочет воспользоваться случаем представить нам кого-нибудь из своих гостей, заслуживших его особенное расположение, — сказала Мария Медичи, обращаясь частью к Анне Австрийской, частью к Кончини.

— Ваши величества без сомнения помнят почтенного графа д'Альби, отличившегося многими геройскими подвигами при его величестве покойном короле, — сказал маршал. — Смею представить сына его, виконта д'Альби.

— Я помню вашего отца, — отвечала Мария Медичи. — Он, я слышала, приехал в Париж с его величеством покойным королем из Беарна и всегда был ему верен. Жив еще ваш отец?

— Он уже стар и слаб, и не выезжает из своего имения в По, — отвечал Этьен, твердо выдерживая пытливый взгляд королевы-матери. — Я должен заменить его и в свою очередь заслужить славу, которой удостоились мои предки.

— Вы имеете надежного ходатая в лице маршала, виконт, с чего же вы хотите начать свою карьеру?

— Я повторю просьбу, с которой несколько недель тому обращался к ее величеству королеве: принять меня в мушкетерский полк, — смело отвечал Этьен, скромно взглянув при этом на Анну Австрийскую.

— Я обещала виконту исполнить его просьбу, ваше величество, — сказала молодая королева. — Это первая моя просьба к вам. Виконт и еще несколько дворян встретили меня в По в качестве представителей прекрасного Беарна. Он стал победителем в турнире, данном в мою честь, получив этим право на исполнение какого-либо желания, просил меня о том, что сейчас повторил вам.

— Мы очень рады, что можем исполнить его желание, — отвечала Мария Медичи. — Вы заручились отличными ходатаями, виконт, и получите то, чего желаете. Маршал пришлет вам завтра с капитаном мушкетеров шпагу и зачислит вас на службу при Луврском дворце. Это быстро выдвинет вас вперед. Желаем вам счастья, виконт, и надеемся найти в вас храброго и верного офицера, когда нам понадобятся ваши услуги.

Этьен был в восхищении и поклонился сначала королевам, потом Кончини. Он видел, что перед ним действительно откроется блестящая карьера, если, следуя советам отца, он всегда будет оставаться благородным человеком и аккуратным исполнителем в делах службы.

Элеонора Галигай проводила королеву-мать и Анну Австрийскую в ротонду маршала, где стояло несколько тронов, а принц Конде, утомленный шумом, вошел в одну из ниш отдохнуть после духоты большого зала и сел на низенький диван у тонкой стены, отделявшей эту нишу от соседней.

Принц следил глазами за королем, который в это время проходил мимо с Сюлли. Вдруг он услышал голоса, доносившиеся из ниши рядом, и упомянутое кем-то имя Равальяка. Принц приподнялся и стал вслушиваться.

Кто смел упоминать имя преступника здесь, во дворце, когда на- строго было запрещено называть даже улицу, на которой соверши- лось злодейство?

— Вы помните, герцог, что после смерти старого привратника один только патер Лаврентий знал тайну исповеди убийцы, но затем он внезапно скрылся из Парижа? — говорил женский голос.

— Я больше знаю, маркиза, — раздался другой осторожный го- лос, но все-таки настолько отчетливый, что принц ясно расслышал каждое слово. — Известный вам лакей маркиза д'Анкра, флоренти- ец, его зовут, кажется, Антонио, тогда еще сообщил, что патер, соби- раясь сесть на корабль в Гавре, случайно упал с моста в воду.

— Антонио опоздал на пять лет, герцог, его, вероятно, обмануло сходство, утонул совсем другой монах. Маркиз де Шале говорит, что вчера около полудня, возвращаясь в Лувр с прогулки за городом, он встретил патера Лаврентия на улице де ла Тур.

— И маркиза обмануло сходство?

— Нет, герцог.

— Так неужели он жив?

— Жив и живет в мрачном домишке на улице де ла Тур у старухи- родственницы. Моей горничной посчастливилось сегодня отыскать его и узнать от старухи, что он пять лет провел за морем, но сильная тоска по родине заставила его вернуться.

— Страшная новость, маркиза. Равальяк ведь во всем ему сознал- ся... От маршала нельзя скрыть, что этот опасный патер Лаврентий, которого он считает умершим и забытым, живет в Париже. Если он до сих пор ничего не выдал, так может выдать на исповеди, так как чувствует близость смерти.

— Для того-то я и пригласила вас сюда, чтобы предупредить.

— Сегодня же ночью надо принять меры. Маркиза, позвольте от- вести вас в зал, я сейчас же передам маршалу то, что слышал от вас и за что искренне благодарю.

— Пойдемте, герцог, прошу вашу руку.

Голоса смолкли. Принц Генрих Конде осторожно поднялся с ди- вана. Счастливый случай наконец открыл ему тайну, о существова- нии которой он смутно подозревал и раньше.

Отчего маршал Кончини боялся патера Лаврентия? Отчего он пять лет тому назад поручил своему лакею устранить его во время бегства? Что рассказал на исповеди Равальяк, чего они так боялись?

Принцу нужно было прежде всего узнать, кто из придворных раз- говаривал в соседней нише. Тихонько отодвинув край пунцовой портьеры, отделявшей нишу от зала, он прошептал:

— Маркиза де Вернейль и герцог д'Эпернон, который тогда ехал в карете с покойным королем. О, какое страшное подозрение. Клянись всеми святыми, я должен разузнать о деле прежде, нежели покончат со стариком на улице де ла Тур. Маршал живо справляется с неугодными для себя лицами... Сегодня же ночью я должен с ним поговорить.

Генрих Конде незаметно отделился от блестящей толпы веселых гостей и, ни с кем не простившись, уехал из раззолоченого, залитого огнями дворца Кончини.

Между тем к самоуверенно улыбававшемуся любимцу королевы-матери поспешно подошел герцог д'Эпернон. Элеонора, побыв несколько минут с королевами, ушла опять в зал. Ее зоркий глаз тотчас заметил, что герцог хотел говорить с маршалом о чем-то особенно важном. Обыкновенно мерные, рассчитанные движения герцога сделались какими-то торопливыми, а взгляд тревожным.

Элеонора очень спокойно подошла к мужу, будто спросить о чем-нибудь насчет вечера.

— Надо скорее предупредить беду, — осторожно шепнул в это время подошедший д'Эпернон. — Лакей Антонио пять лет назад вытаскил из воды в Гавре совсем не того патера.

— Не может быть, — сказала с холодной улыбкой Элеонора, — Антонио еще никогда не ошибался.

— Вам, верно, не так передали, — прошептал Кончини.

— И я так думал, но патер Лаврентий действительно жив, он живет в Париже.

— Надо сейчас же удостовериться в этом, — сказала Элеонора. — Пусть патера, похожего на Лаврентия, отвезут в Бастилию.

— Разумеется, там все откроется, — подтвердил д'Эпернон.

— Где живет этот патер, герцог? — шепотом спросил Кончини и прибавил, гордо вскинув голову: — У меня, кажется, есть для этого важного секретного дела очень надежный и преданный мушкетер.

— Патер Лаврентий живет на улице де ла Тур, у старухи-родственницы.

— Виноват, господа. Одну минуту, — извинился маршал и, обратившись к стоявшему поодаль адъютанту, велел позвать виконта д'Альби.

— Этот беарнец-приезжий здесь, — сказал он Элеоноре и д'Эпернону. — Насколько я заметил, толковый малый... Да вот он.

— Красивый и здоровый провинциал, — заметил герцог с выражением превосходства.

— Любезный виконт, — очень приветливо сказал маршал, — герцог д'Эпернон, — Этьен поклонился герцогу, — будьте так добры, назовите виконту улицу и дом.

Герцог назвал, а Элеонора опять стала разыгрывать роль любезной хозяйки и милостиво разговаривала с гостями.

— Вы уже считаетесь в числе мушкетеров, виконт, и, вероятно, горите нетерпением начать свою службу. Начните же ее сейчас, арестуйте патера Лаврентия от имени короля и отправьте его в Бастилию. Патера подозревают в том, что он пять лет тому назад отравил тюремного сторожа, чтобы освободить Равальяка. Ему удалось тогда скрыться, теперь он живет на улице де ла Тур. Мушкетер д'Альби сообщит мне, как он исполнил мое поручение.

Маршал сделал ему приветливый знак рукой. Этьен поклонился и вышел.

ВИ. ПАТЕР ЛАВРЕНТИЙ

— Слышали, кузина, опять стучат внизу, теперь уже погромче, чем в первый раз, — говорил маленький старичок лет семидесяти, сгорбленный и очень слабый на вид, подходя к двери соседней комнаты.

— Опять вы прерываете мне самый сладкий сон, Николай, — укоризненно отвечал женский голос, — какой вы беспокойный. Бог знает что вам все время слышится.

— Не сердитесь, Мариетта, — сказал старичок, — я еще не успел сомкнуть глаз, а уже два раза слышал стук, это, наверное, внизу.

— Уж слишком вы боитесь и тревожитесь, Николай. Я ровно ничего не слышу. Ступайте, спите... Долго ли вы еще будете проводить ночи без сна до рассвета? — вскричала кузина. Это совсем не дело. У вас, кажется, и лампа еще горит. Да, да, я вижу свет в двери.

Упреки и увещевания старухи вдруг перебил такой стук в дверь, что Мариетта привскочила на постели, а старичок вздрогнул всем телом.

— Святая Дева Мария, — пробормотал он. — Это мой последний час, они нашли меня, они до тех пор искали, пока, наконец, не открыли мое убежище. Теперь я пропал...

Старик подошел к столу, на котором стояла лампа и лежал открытый рукописный молитвенник. Он закрыл книгу и хотел потушить свет. В эту минуту вышла из своей спальни в фантастическом ночном костюме встревоженная Мариетта.

— Ради бога, Николай, не тушите лампу, это только навлечет на нас большие подозрения. Ведь свет, наверное, уже давно заметили, — вскричала Мариетта, коренастая и еще довольно крепкая женщина лет шестидесяти. — Стойте тут, я посмотрю кто стучится.

Она подошла к окошку и отворив его, выглянула на улицу.

— Какой-то мужчина, — шепнула она старику, в ожидании стоявшему позади нее, — в отличном белом плаще. Что вам угодно, господин? — крикнула она.

— У вас здесь живет патер Лаврентий, мне нужно сию минуту видеть его, отворите.

При имени патер Лаврентий худенький дряхлый старичок чуть не упал на колени, а старая Мариетта сильно испугалась, но живо оправилась, поскольку всегда была энергична, как мужчина.

— Вы ошибаетесь, господин, здесь нет никакого патера, — вполголоса отвечала она.

— Не скрывайте, говорите скорее, живет ли у вас какой-нибудь старик?

— Живет, господин, только его зовут Николай Орле.

— Так пустите меня к нему. Я должен сейчас же поговорить с ним. Скорей отворяйте, вам обоим грозит большая опасность.

— Наступил мой последний час, — жалобно сказал старик, держась за стол, чтобы не упасть.

— Нечего делать, Николай, я должна впустить его. Не выдавайте себя страхом. Садитесь и возьмите книгу, вот так, мне кажется, этот знатный господин в шляпе с дорогим пером не хочет причинить вам никакого зла.

Мариетта взяла лампу, сошла вниз и отворила запертую на задвижку входную дверь. Незнакомец в белом плаще переступил порог.

— Не бойтесь, — шепнул он, — я не враг патера.

— Слава тебе господи. Пожалуйте, господин, — пригласила Мариетта и, светя знакомцу своей лампой, забыла запереть дверь.

Генрих Конде быстро взбежал по лестнице и вошел в комнату, где в боязливом ожидании сидел патер Лаврентий. Взглянув на его лицо, измученное болезнью, лишениями и страхом, принц почувствовал глубокое сострадание к старику.

Старушка широко раскрыла глаза, увидев богато расшитый костюм незнакомца, попросившего ее оставить их вдвоем. Она ушла к себе в спальню. Николай с изумлением смотрел на гостя, стараясь припомнить его. Принц взял стул, попросил старика сидеть и заглянул в книгу, лежавшую перед ним на столе.

— Я помешал вашей молитве, патер Лаврентий, — сказал он, — но вы не будете на меня сердиться, когда я скажу вам, что вы в большой опасности, и я пришел спасти вас.

— Скажите, пожалуйста, благородный господин, не кузен ли вы короля? Не благородный ли вы принц Генрих Конде? — спросил все еще дрожащим голосом старик.

— Не стану скрывать от вас, но вы должны быть со мной откровенны. Клянусь, вам не придется раскаяться. Итак, вы патер Лаврентий?

— Я чувствую доверие к вам, высокий принц. Да, я несчастный старый патер Лаврентий. В продолжение пяти лет я нигде не могу найти себе покоя. Я призывал смерть, но мне не хотелось умирать на чужой стороне, и я вернулся, чтобы закрыть глаза на родине.

— Вас увидели и узнали, патер Лаврентий. Вам здесь больше нельзя оставаться. Сегодня же ночью вы должны уйти, я дам вам приют гораздо безопаснее нынешнего.

— Надо расстаться с кузиной?.. Господи, неужели я нигде не найду покоя? — жалобно промолвил он.

— Не беспокойтесь, я сам буду вашим защитником. Знаете ли вы герцога д'Эпернона?

— Нет, благородный принц, никогда не слышал этого имени.

— А маркизу де Вернейль или маркиза де Шале?

— Да, маркиза знаю. Ого, теперь я все понял. Так это он проехал вчера мимо меня. Он выдаст меня страшному Кончини и безжалостной Элеоноре Галигай.

— В настоящую минуту уже выдал.

— Тогда я погиб, итальянец-лакей, столкнувшийся в Гавре в воду другого несчастного патера, похожего на меня, придумает мне теперь какую-нибудь мучительную смерть.

— Нет, патер, вы под моим покровительством.

— Ах, высокий господин, хоть вы и принц, но от Кончини и Элеоноры вам и себя самого не защитить.

— Может быть, и так, патер Лаврентий, поэтому будем очень осторожны. Никто не должен знать, что я вас нашел. Доверьтесь мне вполне, я не из любопытства пришел сюда. Равальяк, убийца короля, признался вам...

— Да, благородный принц, и за это признание меня и преследуют. Не понимаю, как узнал об этом Кончини? Я подозреваю, что нас подслушал тюремный сторож, его нашли утром в день казни отравленным в соседней камере.

— Так он и его убил?..

— Мне с большим трудом удалось скрыться ночью после казни от сыщиков, которых он за мной послал. Я бежал пешком к морю, скрываясь от людей. Он напал на мой след и послал в погоню итальянца. В Гавре я упросил одного доброго капитана спрятать меня на своем корабле и переправить в другую страну. Когда мы вышли из гавани, до нас дошло известие, что утонул какой-то патер. Я догадался, что несчастного приняли за меня. Пять лет я прожил за морем.

— И вы надеялись, что больше вас не узнают, патер Лаврентий? Скажите мне, пожалуйста, что вам говорил убийца короля?.. Или, быть может, вы связаны клятвой?

— Нет, благородный принц. Равальяк взял с меня слово молчать только до его смерти. Он все надеялся, что Кончини сдержит слово — даст ему возможность бежать. После его смерти я должен был отомстить за него.

— Отомстить за него, так мое страшное предчувствие не обмануло меня? У него были сообщники?

— Я вам все скажу, благородный принц, но ради всех святых, пожалейте меня, да и сами будьте осторожны... Не выдавайте того, что я вам скажу, это ужасная тайна, которая может стоить вам жизни.

В эту самую минуту со двора послышался голос, отдававший приказание, и двор осветился красноватым пламенем.

— Это что? — вскричал принц, и подошел к окну.

Во дворе стояли двое с факелами, а один молодой человек, которого принц видел на вечере у маршала, всходил на ступени к двери этого жилища.

— Черт возьми, — проворчал принц Конде, — они уже тут. Живо расправляется этот Кончини с теми, кого подозревает.

— Вот теперь и вы погибли вместе со мной, высокий принц, — жалобно проговорил старик.

— Главная беда в том, что вы не успели передать мне признания Равальяка... Нет ли другого выхода из дома?

— Есть, пойдёмте скорее, сыщики уже на дворе, я слышу их. Мы пойдём через спальню кухни, и ещё одну смежную комнату в ту часть дома, которая выходит на улицу... Нет, уже поздно... Сыщики идут по лестнице.

Принц быстро захлопнул дверь и запер на задвижку, потом, схватив за руку старика, увлек его за собой в комнату изумленной Мариетты.

Нельзя было терять ни минуты. Принц запер за собой и эту дверь. Патер Лаврентий дрожал всем телом.

— Они идут, — прошептал он. Старуха в испуге сложила руки.

— Святая Дева, все пропало.

— Здесь есть выход на улицу, — скороговоркой сказал принц Конде, — мы пройдем этим ходом.

— Невозможно, господин, эти комнаты не заняты, и дверь в них заперта на ключ, — вскричала старая Мариетта.

На лестнице между тем уже слышны были шаги сыщиков.

— Надо выломать эту дверь, больше ничего не остается, патер Лаврентий.

Принц налег плечом на дверь, она затрещала, но не поддалась. Мариетта стала помогать Генриху Конде. Дверь наконец с треском отворилась. Дорога была свободна.

— Ступайте, впустите их, — сказал герцог старухе. — Пока вы будете объяснять, что патера здесь нет, мы успеем выбраться на улицу.

Мариетта наскоро простилась со стариком, поклонилась принцу и, затворив за ним дверь, вышла в первую комнату.

— Я вам обязан спасением, благородный принц, — прошептал патер Лаврентий, идя за руку с Генрихом Конде по темным нежилым комнатам. — Благодаренье Господу, что он привел вас ко мне.

Они осторожно спустились по лестнице. Люди с факелами, стоявшие на дворе, не заметили, как старик с принцем вышли через открытую калитку на улицу.

Мариетта отворила дверь сыщикам. В комнату с легким поклоном вошел молодой красавец виконт д'Альби.

— Извините, что я беспокою вас ночью, — сказал он, — здесь должен быть патер Лаврентий.

— Вы ошибаетесь, господин. Здесь никогда не жил патер, а несколько дней тому гостил больной старичок, только его звали Николаем Орле.

— Вы правду говорите? — спросил Этьен.

— Посмотрите сами, господин. И зачем же вам понадобился патер? Святых отцов не требуют в такую позднюю пору. Или умирает кто-нибудь?

— Патера велено арестовать, — ответил молодой беарнец, пытливо оглядывая комнату.

— Арестовать? Святая Мария, что же он такое сделал?

— Его подозревают в отравлении тюремного сторожа.

— Так вас обманули, господин, благочестивый отец... И какой-то старик-отравитель?..

— Я должен исполнить данное мне приказание.

— Так обыщите и мою комнату, — сказала Мариетта, отворяя дверь в спальню.

Этьен вошел, но там никого не было. Возвратясь, он заметил на полу белую перчатку, поднял ее и увидел вышитые на краю буквы Г. К. под красивой короной.

Виконт спрятал ее в карман, простился со старой Мариеттой и ушел вместе с сыщиками.

VIII. ЧЕРНОЕ БРАТСТВО

В один из следующих вечеров маркиз и Каноник, закутанные в темные плащи, сворачивали с набережной Сены на длинную улицу Святого Доминика. Они миновали высокую старую ограду большого монастыря и подошли к той ее части, где теперь эспланада инвалидов.

— Мы подходим ко двору великого магистра, — вполголоса сказал Каноник. — Ты серьезно решил вступить в это тайное братство?

— Оно руководствуется высокими принципами. Ты сам состоишь его членом, помоги и мне вступить в него, — твердо отвечал маркиз. — Я готов исполнить все обеты, какие бы только на меня ни возложили.

— В таком случае я введу тебя в Черный зал, — тихо ответил Каноник, проходя с товарищем мимо ряда величественных домов, окутанных вечерними сумерками. — По строгим правилам Черного братства я должен поручиться за тебя жизнью.

— Что за странное название, Каноник?

— Ты обещаешь не выдать?

— Я уже дал слово герцогу Вандому, рыцарю этого тайного ордена, — отвечал маркиз.

— Во дворце тебе объяснят цель и таинственные обряды общества. Само оно и его название заимствованы у германцев Саксонии. Членов его ты найдешь везде, во всех частях света. У нас, в Париже, насчитывается больше пяти сотен братьев ордена. К Черному братству принадлежат самые знатные и богатые лица. Но вот мы и пришли, повернем направо, в этот дворец.

— Как? Да это, кажется, дворец герцога Генриха де Рогана?

— Он великий магистр ордена во Франции, — тихо отвечал Каноник, входя под полукруглые своды арки, где располагался главный вход в здание. По обе стороны дверей стояли громадные чугунные статуи предков дома Роган.

Каноник трижды ударил дверным молотком. Вслед за третьим ударом дверь неслышно отворилась. Седой привратник почтительно поклонился вошедшим и запер за ними дверь.

Мушкетеры очутились в круглой, не слишком ярко освещенной комнате. Посередине был большой белый мраморный бассейн, вода в котором била из пасти четырех крылатых драконов. Большие колонны вдоль стен были увиты плющом.

Глубокая тишина, мягкий полусвет и скромная обстановка производили торжественное впечатление. Чувствовалось, чтоходишь в какое-то таинственное место. И на маркиза эта обстановка произвела благоприятное впечатление. Он молча шел за Каноником, заметив, что позади колонн были лестницы, ведущие в верхние комнаты дворца. Но мушкетеры пошли не к этим лестницам, а к двери в глубине между ними.

Каноник вынул из кармана блестящий ключ и отпер дверь. Перед ними открылся широкий прямой коридор, также слабо освещенный сверху. В конце его свет был еще слабее, и следовавшие за ним комнаты казались вовсе не жилые.

Заперев за собой дверь, Каноник молча сделал товарищу знак идти за ним. В конце коридора несколько ступеней вели вниз, к двери, едва различимой в темноте. Каноник отворил ее, и они вошли в ярко освещенную множеством настенных ламп комнату, обстановка которой не представляла собой ничего особенного. Она состояла из кресел темного дерева, таких же столов и нескольких старомодных шкафов. На полу был разостлан мягкий ковер. Это была приемная. Каноник попросил маркиза сесть и исчез за черной портьерой.

Прежде чем ввести читателя в зал тайного ордена, в который готовился вступить маркиз Эжен де Монфор, скажем, что это Черное братство не плод фантазии, а действительно существовавшее несколько десятков лет тайное общество дворян, имевшее широкое географическое распространение. Отдельные ветви его использовали свои особые знаки и обряды, но цель и правила у всех были одинаковы.

Парижское Черное братство собиралось в известные дни во дворце герцога де Рогана. Когда Каноник вошел в зал ордена, там уже сидело полукругом в креслах человек пятьсот его членов. Граф Фернез низко поклонился, ему также молча ответили поклоном.

Заседание уже началось. Посреди комнаты за столом, накрытым черным, сидел великий магистр де Роган. Возле него рыцари — принц Лонгевиль и герцог Вандом. Перед ними стоял германский

дворянин Йоган фон Губертсберг, только что высказавший жалобу на Элеонору Галигай, супругу маршала Кончини, обвинив ее в обмане колдовством. Он доказал членам общества, что алчная и честолюбивая доверенная королевы-матери морочит ее своим мнимым знанием тайных сил природы для того, чтобы держать королеву в руках. В заключение Губертсберг добавил, что принужден уехать на родину, в Саксонию, и просил руководителей ордена принять меры против этой бессовестной женщины, так как Черное братство обязано преследовать суеверие и обличать шарлатанов.

— Ваша жалоба будет рассмотрена, Йоган фон Губертсберг, — сказал великий магистр, отличавшийся от прочих блестящим черным крестом на черном бархатном камзоле. — Поезжайте с Богом и передайте членам Черного братства в вашем отечестве наш братский поклон. Мы, подобно им, будем продолжать наказывать порок и несправедливость и защищать добродетель. Не на одну Элеонору Галигай поступают к нам жалобы, есть много тяжелых обвинений и в адрес ее супруга Кончини. Французское Черное братство могущественно и справедливо, оно накажет виновных, когда переполнится мера их проступков. Поезжайте с Богом.

Йоган фон Губертсберг поклонился и сел на место. Встал герцог Вандом.

— Граф Ла Вьевиль желает обратиться с жалобой к ордену Черного братства, — сказал он громким торжественным голосом.

Ла Вьевиль, еще молодой человек, подошел к столу.

— Я обвиняю графа Шарля де Люиня в позорном бесчестном поступке и оскорблении нравственности, — сказал он дрожащим от гнева голосом.

— На чем вы основываете свою жалобу, Ла Вьевиль? — спросил великий магистр.

— Недостойный любимец короля Людовика граф де Люинь опозорил мою сестру. Вот его письменное обещание жениться на ней, — сказал Ла Вьевиль и положил на стол бумагу.

На всех лицах выразилось удивление.

Де Люинь был другом детства молодого короля. Многие члены ордена знали, что король расположен к нему, и что наедине они обращаются друг с другом запросто. Следовательно, жалоба заключала в себе много опасного.

— Положение не защитит виновного от наказания по нашим законам, граф Вьевиль, — сказал великий магистр. — Мы рассмотрим вашу жалобу, и если она справедлива, рано или поздно привлечем

виновного к ответственности. Имейте только терпение, граф Вьевиль.

Когда граф сел на свое место, Каноник подошел к герцогу Вандому и вполголоса что-то сказал ему. Герцог поблагодарил его жестом и объявил, что принц Лонгевиль желает сделать важное заявление Черному братству. Каноник сел в предназначенное ему кресло. В зале наступила глубокая тишина.

— В стенах Парижа действует изверг, — начал принц Лонгевиль, — который вот уже несколько лет тайно и беспрепятственно обделывает свои дела. Он совершает самые ужасные преступления и вместо наказания получает богатые награды. С каждым разом он действует все смелее, а жалоб его несчастных жертв никто не слышит.

— Назовите его и представьте факты, принц, — сказал великий магистр.

— Этот изверг убил во Флоренции любовницу Кончини, потому что она мешала последнему. Отравил тюремного сторожа Пьера Верно и утопил в Гавре невинного патера Целестина. За каждое преступление его осыпали золотом и почестями.

Между присутствующими пробежал удивленный шепот.

— Его чародейств не перечсть, — продолжал принц. — Откупщик Думарин, подавший на него жалобу в парламент, также убит им.

— Скажите, кто он и где живет?

— Его зовут Антонио, и живет он во дворце маршала Кончини.

— Приближенный, протезе... — раздались негодующие голоса.

— Принц, вы говорите о приближенном министра. Это серьезная жалоба, тяжелое, ужасное обвинение. Есть ли у вас доказательства, подтверждающие злодейства этого Антонио?

— Добыть доказательства и проследить изверга есть обязанность Черного братства, — вскричал принц. — Мы обличим и накажем негодяя.

— В силу данной мне власти, заявляю членам ордена, что они должны следить за этим доверенным министра и сообщать о его действиях, — сказал герцог де Роган.

Присутствующие поклонились в знак повиновения.

— Заявление жалоб окончено, — продолжал герцог. — Объявляю господам членам Черного братства, что граф Фернезе предлагает принять в орден его друга маркиза Эжена де Монфора. Имеется ли что-нибудь препятствующее этому?

Все молчали.

— Заседание окончено, господа члены Черного братства, да будет Господь над вами! — торжественно сказал великий магистр.

Когда собравшиеся покинули зал через боковую дверь, граф Фернезе пригласил войти маркиза де Монфора. В зале оставались только трое рыцарей, сидевших за столом.

Маркиз поклонился, после чего Каноник также покинул зал. При совершении таинственного обряда вступления в орден мог присутствовать только великий магистр и сидевшие рядом с ним рыцари.

Эжен де Монфор, не теряя присущего ему достоинства, приблизился.

— Вы желаете вступить в Черное братство, маркиз? Согласны ли вы дать обеты, установленные законами ордена?

— Согласен. Скажите, в чем они состоят?

— Их три. Кроме того, вас подвергнут трем испытаниям. Вы должны отказаться от всех земных радостей, преодолевать в себе все страсти и не бояться смерти. Вот первая наша заповедь.

— Согласен исполнять ее, — отвечал маркиз.

— Вторая заповедь Черного братства запрещает жениться. Только испытав глубокое горе, человек способен исполнить этот обет.

— Я и на это готов. Пять лет тому назад я женился, а на днях получил развод, и никогда больше не женюсь.

— По третьей заповеди Черного братства вы обязаны строго исполнять приказания великого магистра ордена, быть скромным, мужественным и бесстрашным.

— И с этим требованием я согласен.

— По законам ордена через десять дней вы должны подвергнуться трем испытаниям. Таким образом вы будете иметь время для того, чтобы хорошо обдумать свое намерение, а мы — чтобы решить, можно ли принять вас. По истечении этого срока, маркиз Эжен де Монфор, мы дадим вам знать, и вы опять явитесь в этот зал. Подумайте, загляните в свою душу, чтобы спокойно и твердо встретить испытания, которым вас подвергнут. Когда вы будете посвящены в тайны Черного братства, возврат уже не возможен, вы до конца жизни будете принадлежать к нашей общине, и только смерть освободит вас от принятых обетов.

— Десять дней я буду ждать вашего решения, — ответил маркиз, кланяясь.

Трое рыцарей также поклонились.

Эжен де Монфор вернулся в приемную, где его ожидал Каноник, и молча вышел с ним из дворца герцога де Рогана.

IX. ПОХИЩЕНИЕ РЕБЕНКА

Был день святого Эстоми, воскресенье.

Под лучами февральского солнца таял снег на крышах и улицах, а к вечеру подул восточный ветер и все опять заледенело. Прохожие плотнее кутались в плащи и прибавляли шагу, торопясь домой. В восьмом часу какая-то женщина, закутанная в старый коричневый платок, торопливо свернула в узенькую мрачную улицу Лаферроне-ри. Она старалась держаться более темной стороны и скользнула за угол как раз напротив домика, где жила придворная судомойка, говорунья Ренарда. В маленьком окошке наверху еще горел огонь, значит, хозяйка была дома.

Судя по тоненькой хрупкой фигурке, прятаясь за углом дома была молодой девушкой. Коричневый платок совершенно скрывал ее бледное лицо, и лишь блестящие глаза внимательно следили за двигавшимся в освещенном окне силуэтом и за дверью, ведущей в дом.

— Там мое сокровище, — шептала она, — я не напрасно подслушивала и подсматривала столько времени. Вчера он был у судомойки. Мое дитя у нее. Я должна взять его у них. Я до тех пор не обрету покоя, пока моя дорогая крошка не будет у меня в объятиях. У меня все отнято, я все отдала. Но даже кающаяся грешница не может отказаться от всего на свете, каждое сердце требует привязанности. Последний бедняк имеет что-нибудь собственное... Ведь даже несчастный узник бережет паутину, которую паук свил в его келье... А я осталась только со своим раскаянием, горем и разбитой любовью. Будь справедлив, не сердись, Эжен, я ведь тебя предупреждала в самую тяжелую минуту моей жизни, что не вынесу разлуки с ребенком. Теперь наступило время, о котором я тебе говорила, и я возьму свое дитя, унесу его, как воровка. Меня влечет сюда материнская любовь, и я готова голодать, мерзнуть на улице, быть нищей — только бы прижать его к своей груди. Проклинай меня, Эжен, ты имеешь на это право, я была безумна, слепа и не заслужила твоей преданной любви, но ты не можешь запретить мне взять к себе свое родное дитя. Когда ты услышишь, что мать украла своего ребенка, тогда узнаешь, что Магдалена еще жива.

Магдалена плотно прижалась к настывшей каменной стене. Прохожие не замечали ее в темноте. Бедняжка, в одном платье, не чувствовала холода. Мать способна перенести больше, нежели кто-нибудь другой; для матери, которая стремится к своему ребенку, не существует ни препятствий, ни страха.

Любовь матери — святая любовь, самое высокое из всех чувств, чуждое всякого эгоизма, не требующее деланой, искусственной благодарности. Материнская любовь отдает все и ничего не просит для себя, она всем жертвует и великодушно прощает, когда дитя забывает о ней и скупится на взаимность. Мать, богата ли она, одевает ли свое дитя в шелка и бархат, или заворачивает его в лохмотья, — всегда Божья посланница. Она забывает все на свете и считает себя вполне вознагражденной, когда, склоняясь к своему малютке, глядит в его милые глазки, когда крошечные ручки тянутся к ней. Она отдает своему младенцу свой сон, свой хлеб, окружает его заботой, и, улыбаясь, раскрывает ему объятия, с упоением любясь им.

Магдалена вздрогнула. Свет в окошке потух. Ренарда уходила и, вероятно, до полуночи пробудет в Лувре. Магдалена хотела воспользоваться этим временем. От волнения ей стало тяжело дышать, она не спускала глаз с двери домика.

Улица пустела с каждой минутой. Наконец Ренарда вышла из дома. Завернувшись в старый салоп, она почти бегом направилась кратчайшей дорогой к Лувру.

Магдалена тихо, как призрак, отошла от стены и огляделась. Ни на улице, ни в окнах домов она никого не заметила. Быстро перебежав дорогу, Магдалена уже собиралась скользнуть в дверь, как Ренарда вдруг торопливо вернулась к дому, и она едва успела спрятаться в глубокой дверной нише. Старуха не заметила ее и побежала наверх по лестнице. Отчего она вернулась?

Магдалена прислушалась. Ренарда забыла ключ в дверях и, будто предчувствуя беду, прибежала, чтобы спрятать его в углу, у двери, как обыкновенно делала.

Магдалена ясно слышала, как старуха положила ключ на пол. Подождав несколько минут и видя, что кругом все тихо, а Ренарда больше не возвращается, горя от нетерпения, она взбежала по ступеням старой скрипучей лестницы. Сердце ее сильно билось. Ведь уже пять лет прошло с тех пор, как у нее отняли ребенка, и ей так хотелось поскорее увидеть свое сокровище.

Каков-то теперь мой милый мальчик? Уже большой, и говорить, и бегать умеет. Сегодня день его рождения. Невыразимая радость охватила Магдалену при мысли, что ее ненаглядное дитя опять будет возле нее, у ее сердца. Наконец-то она снова прижмет его к своей груди.

Молодая женщина осторожно, в полной темноте, нашла дверь комнаты, потом опустилась на колени и ощупью начала искать на полу ключ. Все уголки обыскала Магдалена, но ключа нигде не было.

Ею уже начало овладевать беспокойство, как вдруг она почувствовала под рукой что-то холодное — ключ нашелся. Тихонько вскрикнув от радости, она осторожно вложила его в замок и тихо-тихо отворила дверь. Глаза ее, привыкшие к темноте, ясно разглядели комнату. Она увидела в углу большую широкую постель судомойки, а рядом — другую, маленькую. Магдалена почти задыхалась от лихорадочного волнения. Подкравшись к маленькой кровати, она наклонилась. На белых подушках спал мальчик. Магдалена с восхищением прижала обе руки к груди. У него были роскошные белокурые волосы и черты лица, так напоминавшие маркиза де Монфора, что у нее слезы выступили на глазах.

Долго стояла она перед малюткой, не решаясь взять его из теплой постельки. Ей стало страшно. У нее ничего не было, она, кроме любящего материнского сердца, ничего не могла дать своему малышу.

Протянув руки, чтобы взять ребенка, она вдруг почувствовала, что делает нехорошо, грешит, похищая мальчика. Необъяснимый страх охватил ее душу именно в эту минуту, когда она почти достигла желанной цели.

Какую будущность она готовит сыну? Много бурь и тяжелых часов придется ему пережить, разделяя ее участь. Под крылом отца, между тем, его жизнь могла бы сложиться благополучно и счастливо.

Тяжелая борьба происходила в сердце Магдалены... «Откажись от дитя ради его же счастья!» — шептало ей чувство материнской любви. — «Уйди, оставь его здесь! Если ты его оставишь, он навсегда потерян для тебя!» — шептал ей другой голос. «Никогда тебе не назвать его своим. Живя среди блеска и богатства, он никогда не спросит о матери, или будет стыдиться ее».

— Нет, этого не будет, — с внезапной решительностью прошептала Магдалена. — Ты научишься любить меня. И мне тоже нужно, чтобы меня кто-нибудь любил. Я не могу так жить. Матерь Божья видит мое истрадавшееся сердце и простит меня. Я грешила, но я покаялась и до конца жизни буду каяться. Проклинай меня, Эжен, вырви из сердца последние остатки любви ко мне, но я не в силах себя переломить. Мое дитя должно быть со мной.

Дрожа от радости и страха, Магдалена осторожно взяла из кровати крепко спавшего мальчика и тихонько закутала в свой большой теплый платок. Он не проснулся, только пошевелился, как будто ему было неловко, но сон опять одолел его. Ему суждено было проснуться в незнакомой обстановке и увидеть возле себя чужую женщину с заплаканными глазами — свою родную мать.

Магдалена прижала малютку к сердцу, поправила платок и тихонько вышла из комнаты. Она прислушалась, внизу было тихо. Молодая женщина осторожно спустилась по узенькой крутой лестнице и вышла на улицу. Теперь она вне опасности. Редкие прохожие не обращали на нее внимания. Магдалена прошептала благодарственную молитву и исчезла в темноте ночи.

Не прошло и часа, как судомойка вернулась из Лувра. Невыразимый страх овладел ею, когда она увидела отворенную дверь своей комнаты.

— Иисусе, Мария! — вскричала она, и колени у нее задрожали.

Старуха, шатаясь, бросилась к кровати мальчика и похолодела от ужаса. Она дрожащими руками стала перетряхивать его постельку, потом свою, звала своего Нарцисса, все напрасно, ее милое дитя кто-то унес.

Но кто? Когда? Ренарда, как сумасшедшая, бросилась из комнаты и выбежала на улицу, надеясь отыскать и возвратить его.

Х. ПРИЗРАК КОРОЛЯ

В большом сводчатом караульном зале Луврского дворца, внизу, возле передней, сидели в тот самый вечер четверо мушкетеров.

Милон Арсский еще раз налил вино в стаканы задумавшегося маркиза, Каноника и молодого виконта д'Альби.

— Рассказывайте дальше, беарнец, чем же закончилось таинственное происшествие? — спросил он своим звучным голосом, который при необходимости мог быть истинно громовым.

Каноник, прислонясь головой к высокой резной спинке стула, внимательно слушал д'Альби и пытливо смотрел на него.

— Вот посмотрите, господа, я нашел эту перчатку на полу, — сказал Этьен, бросив ее на стол.

Каноник продолжал молчать, а маркиз де Монфор взял перчатку и стал рассматривать красивый вензель на ней. К нему подошел Милон.

— Княжеская корона, — вскричал он. — Сказать вам, кто был в ту ночь в бедном домике на улице де ла Тур?

— Говорите, вы больше знакомы с двором, нежели я, — сказал беарнец, — мне не отгадать имени.

И Каноник взглянул на вензель. По его гладко выбритому лицу скользнуло такое выражение, как будто и он догадался, кому принадлежала перчатка.

— Княжеская корона... Перчатку потерял Генрих Конде, честное слово, — вскричал Милон. — У него было там какое-нибудь любовное свидание, ведь это дело известное.

— Но в таком случае его возлюбленная, вероятно, сквозь землю провалилась, потому что в убогой квартирке я нашел только одну старуху, которой принц наверно не стал бы признаваться в любви.

— Приберегите эту перчатку, виконт, — посоветовал маркиз, — и никому больше не рассказывайте, что нашли ее.

— Да разве я болтун? — рассердился Этьен. — Я считаю вас своими лучшими друзьями, потому и рассказал вам об этом происшествии и показал перчатку. Я даже не знал, чья она.

— Люблю бярнцев за прямоту, — перебил Милон, похлопав виконта по плечу и взяв свой стакан. — Вы мне по душе, виконт. Не сердитесь на моего друга маркиза, он говорил с добрым намерением. При дворе нельзя болтать о том, что видишь и слышишь.

— В таком случае благодарю за совет, — ответил Этьен и чокнулся с Милоном, потом с маркизом и слегка улыбающимся Каноником.

— Ты его совсем с толку сбил, Эжен, — укоризненно сказал широкоплечий Милон изящному красивому маркизу. — Так вы нашли перчатку и ушли, ничего не добившись.

— Да, с обоими сыщиками, которых мне дал маршал, — продолжал Этьен. — Не успел я выйти на улицу, чтобы вернуться во дворец Кончини, как ко мне подбежал какой-то человек, итальянец по наружности. Запыхавшись, он объяснил, что является дворецким и доверенным маршала, и зовут его Антонио.

— Он, говорят, не итальянец, а грек, — поправил Каноник, впервые заговоривший за весь вечер.

— Черт с ним, кто бы он ни был, — пылко вскричал д'Альби, — Я ему показал, что я бярнец.

— Ого! Он вас оскорбил? — спросил, улыбаясь, Милон.

— Оскорбил? Лакей маршала? Ну, господин мушкетер, с каких это пор нас может оскорблять маршальская прислуга?

— Так он слишком близко подошел к вам, виконт?

— Уверен, что в другой раз ему не удастся это сделать.

— Будьте осторожнее, мой юный друг, — заметил маркиз, — этот Антонио — правая рука маршала, и вы благоразумнее поступили бы, не связываясь с ним.

— Виноват, маркиз. Вы очень знатного, высокого рода, но и себя я не слишком низко ставлю. Позволили бы вы какому-нибудь лакею маршала безнаказанно делать вам выговоры?

— Не думаю, — улыбнулся маркиз.

— А вы, монсеньор? — обратился Этьен к Канонику. Тот дипломатично пожал плечами.

— Думать все можно, — сказал он, — но поступать надо осторожно и не нарываться самим на неприятности.

— Не слушайте их, д'Альби, — вскричал добродушный Милон, — рассказывайте. Что же позволил себе этот Антонио?

— Он подошел ко мне и спросил, нашел ли я патера Лаврентия. Я ответил, что нет. Он вдруг насмешливо говорит, что патеру, разумеется, не трудно было уйти от меня. Я спокойно пошел дальше, не обращая на него внимания. Негодяй не оставлял меня, с каждой минутой становясь все более дерзким. «Уж у меня патер не увернулся бы, — говорил он. — Только с вами могла случиться такая неудача». Тут у меня терпение лопнуло. Мы подошли к каналу. Я схватил бездельника за шиворот. «Да я ведь только хотел сказать, что вы здесь ни с кем не знакомы, что вы беарнец!» — испуганно закричал он, выискивая что-то под плащом. «Ну, вот вы и познакомитесь с беарнцем», — крикнул я и швырнул его в воду, прежде чем он успел выхватить кинжал.

— Ах, черт возьми, — рассмеялся Милон, — канал ведь выходит в Сену. Вы, пожалуй, отправили наглеца на тот свет.

— Уж не знаю, что с ним было дальше, — продолжал д'Альби. — Во всяком случае, он славно выкупался в студеной воде и будет в другой раз знать, как надо разговаривать с мушкетерами.

— Вы мне все больше и больше нравитесь, д'Альби, — с восторгом вскричал Милон, пожимая руку новому товарищу, — и я так же поступил бы на вашем месте. Маркиз и Каноник рассуждают, будто никогда в жизни никого не знакомили с лезвием своих шпаг, а я засвидетельствовать могу, что они никогда не спускали тем, кто становился им поперек дороги. Ха-ха!.. Достаточно назвать одно имя, чтобы маркиз тотчас переменялся. Ну, что бы ты сделал, если бы тебе пришлось иметь дело с графом де Люинем?

Эжен де Монфор сразу нахмурился.

— К чему это ты заговорил о графе? — серьезно спросил он.

— Я, разумеется, не знаю, что у тебя с ним было, — отвечал Милон, — ты ведь такой же скрытный, как наш политик Каноник. Я хочу только сказать, что при случае ты точно так же обошелся бы с ним, как д'Альби с Антонио.

— Очень может быть, — сказал маркиз, — но мне кажется, с маршалом опасно иметь дело.

— Ну, а я все-таки от души готов помочь беарнцу. Не хватало еще, чтобы всякий мозгляк вздумал указывать мушкетерам на их неудачи, — вскричал Милон, сильно ударив кулаком по столу.

— Я с тобой согласен, — подтвердил маркиз.

— И я ни на минуту не задумаюсь предложить свое содействие виконту д'Альби, если понадобится поддержать честь мушкетеров, — вскричал Каноник.

— Благодарю вас, господа. Если мы будем дружно делить и радость, и горе, для нас не будет ни опасностей, ни препятствий, — сказал виконт, поднимая стакан.

— Клянусь честью, он говорит правду. Чокнемся, господа, будем братьями по оружию! Виконт д'Альби станет четвертым в нашем союзе. Будем все четверо действовать, как один, — на жизнь и на смерть.

Они чокнулись и выпили.

В ту самую минуту, когда д'Альби прощался с друзьями, чтобы идти дежурить в галерею, стеклянная дверь отворилась, и в комнату вошла Ренарда. Она, очевидно, явилась с каким-то важным и тревожным известием, потому что лицо ее было очень бледно, а волосы, против обыкновения, растрепаны. Д'Альби, подходивший в это время к двери, заметил, как старуха сделала выразительный знак маркизу.

Милон и Каноник, искоса взглянувшие на Ренарду, остались за столом, а маркиз быстро подошел к ней. Она задышалась от волнения и с отчаянием всплеснула руками.

— Господи, какая беда, — прошептала она дрожащим от страха голосом. — Да не смотрите на меня так, господин маркиз, этого я не переживу. Мой ангел, мое сокровище, мой Нарцисс...

— Да в чем дело, Ренарда? — тихо спросил маркиз.

— Ах, смерть моя, никогда еще мне не приходилось испытывать такого горя и испуга, даже когда умер мой муж. А ведь вы знаете, что я перенесла, — продолжала говорливая старуха.

— Да говорите же, что случилось?

— Ах ты господи! Я боюсь и выговорить, ненаглядный мой Нарцисс, его нет в кровати...

Маркиз сильно вздрогнул и быстро вышел с Ренардой из зала в переднюю, где никого не было.

— Что вы такое говорите? — тревожась, спросил он.

— Пропал... Его украли, — отвечала Ренарда. — Пойдемте скорей, может быть, вам удастся напасть на след. Я ничего не могу придумать.

Мушкетер нахмурился.

— Идите за мной, Ренарда, — сказал он.

— Как, вы знаете, господин маркиз, где мой милый Нарциссик? — радостно вскричала старуха.

— Надеюсь, что знаю, — спокойно отвечал де Монфор. — Сейчас увидим, ошибаюсь я или нет. Пойдемте, Ренарда.

Виконт д'Альби между тем отправился в галерею сменить барона Витри с дежурства. Офицеры обменялись дружеским поклоном, и беарнец остался один в длинной полуосвещенной галерее. Эта ее часть примыкала к флигелю, где были комнаты прекрасной королевы Анны Австрийской.

Как только виконт остался один, ее прелестный образ встал перед ним снова. Молодой человек не мог забыть красавицу, заглянув однажды в ее чудные темные глаза, но он еще и сам не сознавал, что происходило в его душе.

На балу у Кончини Анна Австрийская была к нему так милостива и просила за него королеву-мать. Воспоминание об этом сводило с ума молодого человека, он горел желанием сложить голову за прекрасную благородную королеву.

Вдруг ему показалось, что в конце галереи из-за веерных пальм вышла какая-то дама. Кто же это идет из комнат Анны Австрийской? Этьен узнал в ней наконец первую приближенную королевы — донну Эстебанию, возвращавшуюся к себе, и невольно подумал, для чего она идет галереей, что гораздо дольше, ведь ее комнаты находятся рядом с комнатами королевы.

Уже немолодая, но все еще красивая и очень величественная испанка, ответив на поклон виконта д'Альби, видимо, собиралась подойти и заговорить с ним. Он знал испанский язык... Но в это самое время она, увидев что-то в одном из боковых коридоров, как будто испугалась и изменила свои намерения.

— Я хотела поговорить с вами, виконт, — шепнула она скороговоркой, приостановившись на минуту, — но сюда идет ее величество королева-мать. Мне не удастся пока встретиться с вами. Остерегайтесь маршала Кончини и его супругу.

— Благодарю вас за предостережение, благородная донна, — отвечал Этьен, — чем я заслужил ваше расположение?

— Я говорю не от себя. Не спрашивайте, сегодня я ничего не могу вам больше объяснить. Скоро будет охота в Сен-Жермене, там вы все узнаете. Главное, будьте осторожны не только в продолжение всех этих дней и ночей, но и на охоте.

— Еще раз благодарю вас, тысячу раз благодарю, — прошептал молодой человек.

Донна Эстебанья торопливо прошла дальше, ковер заглушил ее осторожные шаги.

Что означало такое предостережение? Эстебанья была доверенной дамой молодой королевы, не по ее ли поручению она действовала?

На сен-жерменской охоте он все узнает... Каждый час теперь будет казаться ему годом. Виконт не успел еще оправиться от изумления, как в боковом коридоре показалась Мария Медичи. Она шла с маркизой де Вернейль от короля. Ей нужно было, чтобы он подписал несколько важных бумаг, и она обошлась с ним чрезвычайно ласково.

Королева-мать была очень умной и ловкой женщиной, ничего не делавшей без расчета. Ее главной задачей было удалить сына от дел правления, чтобы сосредоточить их в своих руках. Пока это удавалось. Людовик, казалось, и не замечал ее намерений, охотно уступая все заботы трона.

И в этот вечер Мария Медичи добилась своей цели. Король, не читая, молча подписал все, что ему подала мать. Но ей показалось, что бывший при этом в кабинете первый приближенный короля граф Люинь очень подозрительно и враждебно косился на нее.

Марии Медичи давно не нравилась близость этого де Люиня с Людовиком, а между тем она знала, что с ним надо быть поосторожнее, так как он с королем на дружеской ноге, и ходили даже слухи, что, оставаясь вдвоем, они обращались друг с другом как братья.

Мушкетер д'Альби поклонился, но королева, казалось, не заметила его поклона и прошла в свои апартаменты.

Было за полночь. Мария Медичи вспомнила об Элеоноре и ее предсказаниях. В ночной тиши перед ней часто вставали призраки, отгонявшие сон, виделся облитый кровью король Генрих, которого она позволила убить, чтобы присвоить себе корону. Как ни старалась она гнать мучительные думы, забываясь в шумных празднествах, упиваясь сознанием власти, они все чаще стирали гордую улыбку с ее губ.

Королева дошла до той части галереи, которая непосредственно вела к ее комнатам. Тут было совсем пусто и тихо, как в могиле. И вдруг у поворота в один из полуосвещенных боковых коридоров показалась какая-то фигура. У Марии Медичи кровь заледенела в жилах...

Маркиза также увидела страшное видение и отскочила, побледнев как смерть... Перед ними был покойный король Генрих. В тихую ночную пору он словно властелин явился в свой дворец, который покинул в результате позорного заговора, и шел требовать наказания виновных. Маркиза, как и сама королева-мать, тоже видела перед собой убитого короля. Шляпа с большими полями и длинным белым пером, широкий белый плащ, походка, каждое движение говорили о том, что это Генрих IV. Мария Медичи задрожала всем телом, но она быстро собралась с духом и громко крикнула:

— Что это за комедия, кто вы такой? Как вы смеете являться сюда в такое время?

Фигура медленно отступила, ничего не отвечая.

— Позовите часовых, маркиза, — сказала королева-мать с отчаянной решимостью, тогда как ее бил озноб.

Маркиза поспешила в галерею. Мария Медичи осталась одна и видела, как призрак исчез в темном коридоре, который вел к бывшим комнатам покойного короля.

Она хотела удостовериться и велела прибежавшему д'Альби обыскать коридоры, но не сказала, кого видела там. Через полчаса он доложил маркизу де Шале, которому поручили принять его донесение, так как Мария Медичи захворала лихорадкой, что ни во флигеле покойного короля, ни в коридорах, которые вели на половину королевы-матери, не нашли ни одной живой души, кроме сбежавшихся со свечами камердинеров.

XI. ОХОТА В СЕН-ЖЕРМЕНЕ

Старый мрачный Сен-Жерменский замок — массивное пятиугольное здание из кирпича — был расположен между городом и лесом. Тихим весенним утром на площадке перед замком прогуливались несколько мужчин в богатых охотничьих костюмах, время от времени поглядывая в сторону церкви, мимо которой шла дорога на Париж.

— Не надо разглашать этого странного происшествия, маркиз: ее величество не хочет больше ничего о нем слышать, — сказал герцог д'Эпернон маркизу де Шале. — Я приписал бы это загадочное явление влиянию разгоряченной крови, если бы маркиза де Вернейль не была свидетельницей.

— Чудеса, право, ее величество до сих пор не может поправиться. Это сильно на нее подействовало. Я только понять не могу, почему в

коридорах никого не нашли... вот и не верь после этого в духов и привидений.

Маркиз с улыбкой пожал плечами.

— Вы так же плохо верите в них, как и я, — добавил д'Эпернон. — Но это происшествие имеет мрачный оттенок и особенное значение, если учесть еще некоторые обстоятельства, случившиеся одновременно с ним. Мы еще успеем, я думаю, их обсудить, пока не приехали король с королевой. Мне хотелось бы коротко напомнить вам, что маршал и маркиза д'Анкр боятся заговора.

— Заговора, да как так, герцог?

— При дворе все резче и резче вырисовываются два лагеря. Вы, конечно, тоже отметили, как усилился в последнее время разлад между приближенными королевы-матери и приближенными короля, — отвечал д'Эпернон, понизив голос и поглядывая на придворных, обосновавшихся на террасе замка. — Этот разлад растет с каждой неделей, хотя и держится до сих пор в секрете.

— Вы, мне кажется, слишком мрачно на это смотрите, герцог. Ее величество по-прежнему имеет большое влияние на короля и ей не трудно будет удалить от него тех, кто решится восстать против нее.

— Это было бы опасно. Ее враги очень искусно плетут интригу и очень высоко стоят.

— Как, вам известны даже имена?

— Пока мы основываемся только на догадках. Но они с каждым днем принимают все более определенный характер. Враждебная партия очень осторожно действует и старается заручиться поддержкой приверженцев в самых главных частях войск.

— Я в себя не могу прийти от изумления, герцог.

— Вы скоро увидите, что наступило время принимать меры, если мы не хотим, чтобы нас разом победили. Основную часть войска, о которой я сейчас говорил, составляют мушкетеры. Вы знаете, ведь это самые смелые и решительные солдаты.

— А из чего же заключают, что мушкетеры не принадлежат к партии маршала Кончини? — спросил Шале.

— На это ясно указало одно важное обстоятельство.

— Вы видели патера Лаврентия на улице де ла Тур и знаете, какое орудие есть в руках этого человека, осмелившегося снова явиться во Францию. Маршал поручил одному вновь поступившему на службу мушкетеру, виконту д'Альби, арестовать его.

— И он теперь в Бастилии, а ее стены являются надежным хранилищем.

— Нисколько, маркиз. Мушкетер д'Альби, вон он ходит по террасе, его тоже пригласили на охоту...

— Да, вижу... еще очень молодой человек.

— Но уже замечательно смелый и решительный. Так вот этот мушкетер дал возможность патеру Лаврентию убежать.

— Как же так, он его не нашел в указанном доме?

— Доверенный маршала Антонио прямо говорит, что мушкетер помог Лаврентию скрыться, — шепнул герцог.

— Я слышал, что с Антонио, кажется, случилось какое-то несчастье?

— Да, но он теперь уже выздоравливает. Д'Альби столкнул его в канал, когда тот стал выговаривать ему. Вы видите из этого, что мы имеем дело с такими противниками, которые ничего не боятся.

— И дерзкого мушкетера не привлекли к ответственности? — с негодованием спросил Шале.

— Тут осторожнее поступили, любезный маркиз. Всякой открытой решительной мерой могли затронуть такие вещи, которые лучше держать в тайне.

— Но патер Лаврентий...

— Да, ускользнул, несмотря на все старания, его не могут найти, а это приводит к заключению, что у патера ловкий и влиятельный покровитель. Из какого он лагеря, мы с вами, конечно, знаем, но имя его неизвестно. Явление призрака короля имеет с этим много общего.

— Изумительно! Теперь я начинаю все понимать.

— Теперь вам ясно, что готовится заговор, начало которого надо искать в приемной Людовика XIII. А то, что там задумываются свои планы, доказывает странное исчезновение опасного патера.

— Этот мушкетер заслуживает смерти, — проговорил, стиснув зубы, Шале.

— Антонио поклялся известить его, но гораздо лучше будет, если он умрет не от руки лакея Кончини, а вследствие какого-нибудь несчастного случая.

— То есть как это, герцог?

— Какой-нибудь спор... Знаете, любезный маркиз, как это бывает? В полном прощении того, кто прольет кровь этого мушкетера, нечего и сомневаться. А еще лучше сегодня на охоте нечаянный выстрел... — пояснил д'Эпернон, пытливо взглянув на собеседника. — Ее величество воспользуется первым же случаем, чтобы богато награждать за неприятности, которые могут возникнуть при этом.

— Сегодня мы услышим этот нечаянный выстрел, герцог. Кроме того, нам непременно надо разузнать о призраке и разыскать патера Лаврентия.

— В самом скором времени сделаем это, любезный маркиз, так как опасность с каждым днем увеличивается. Но вот и их величества: король со своей прекрасной супругой, принц Конде, граф де Люинь и герцоги Сюлли и Бриссак, испанская донна, герцогиня де Шеврез и маркиза д'Алансон, маршал Кончини и герцог Монбазон. Сейчас начнется блестящая охота.

— Которая будет иметь кровавый конец, — мрачно прошептал маркиз де Шале.

Придворные экипажи быстро подъехали к террасе. Все приготовились встретить королевскую чету, а гофмаршал и егермейстер велели расставить у портала пажей с соколами, лошадей и свору.

Яркое весеннее солнце осветило эту блестящую картину.

Людовик XIII вышел из кареты и помог выйти королеве. В замке их ожидал завтрак. Анна Австрийская с обычной милой приветливостью поклонилась стоявшим полукругом придворным и прошла со своим серьезным молчаливым супругом в замок.

Старый мрачный замок был любимым местом отдыха Генриха IV, и молодой Людовик также любил посещать его, потому что за ним далеко тянулись леса, где можно было отлично поохотиться.

В то время, как придворные кавалеры и дамы входили за их величествами в замок, где встретили гофмаршалов, граф де Люинь по приказанию короля велел приготовить все к началу охоты. Людовик знал, что его любимец превосходно умел устраивать эти вещи по его вкусу.

Герцог д'Эпернон говорил о двух придворных партиях, но тут ничего подобного не было заметно, разве что кто-нибудь вполне посвященный в интриги обратил бы внимание на отдельные группы придворных, состоявшие из приверженцев той или другой партии. В общем же, все было по-прежнему церемонно и спокойно, так что никому и в голову не пришло бы заподозрить тут непримиримую вражду. Впрочем, ведь первое условие в жизни придворных и дипломатов — уметь хорошо скрывать свои мысли и чувства.

Большая часть кавалеров прошла в конец террасы и там ожидала начала охоты. Несколько поодаль стояли герцог д'Эпернон и маркиз де Шале, незаметно наблюдая за всем происходящим. Король скоро стал торопить с охотой. Он подал руку королеве и по широким ступеням спустился вниз. Здесь всхрапывали уже приготовленные лошади, в нетерпении охотничьего инстинкта беспокойно топ-

талась свора. Весело затрубили охотничьи рога. За Анной Австрийской вышли дамы ее свиты, которым охота всегда доставляла особенное удовольствие. На молодой королеве была хорошенькая черная шляпа с двумя дорогими белыми перьями, прикрепленными бриллиантовой пряжкой. Роскошные черные локоны, полуприкрытые испанской вуалью, ниспадали на тонкую белую шею, обвитую чудесным колье из драгоценных камней и жемчуга. Черное бархатное платье, плотно облежавшее тонкую талию и спускавшееся вниз тяжелыми складками, было убрано кружевами. Паж нес длинный шлейф. Спереди бархат расходился на зеленой атласной юбке, а отвороты, вышитые золотом, придавали туалету королевы благородную величественность.

Анна Австрийская шла, опираясь левой рукой на руку короля, а в правой держала маленький хлыст с золотым набалдашником. Чуть поодаль следовали пажи с дрессированными соколами на руках.

Лицо короля Людовика казалось еще более суровым из-за низко опускавшихся на лоб темных волос и черной шляпы с широкими полями и белыми перьями. На нем был зеленый кафтан и короткий испанский белый плащ. Концы широкого галстука спускались почти до богато расшитой портупей шпаги. Черные бархатные панталоны с белыми пряжками по бокам были завязаны бантами у колен, а отвороты высоких сапог с золотыми шпорами украшены искусным шитьем.

Граф де Люинь, почтительно поклонившись, доложил их величествам, что все готово. К королеве подвели чудесного андалузского иноходца, а к Людовику горячего вороного коня. Придворные кавалеры помогли королеве и дамам сесть.

Блестящая кавалькада под звуки охотничьих рогов выехала со двора мимо маленького павильона Генриха IV и приблизилась к густому лесу, едва покрывшемуся нежной весенней зеленью.

Анна Австрийская с дамами приостановилась на опушке полюбоваться чудесным видом, открывшимся с этого места, на долины и серебрившуюся между ними ленту Сены, на башни Сен-Дени вдали и на мирные селения у подножия холма.

Но Анна Австрийская имела и другую цель, отставая от основной группы. Повернув своего белого иноходца, она увидела, что подле донны Эстебани ехал виконт д'Альби.

С первого взгляда молодой беарнец внушил ей большое доверие. Анна Австрийская уже почувствовала необходимость в преданной душе среди этой чуждой для нее обстановки французского двора, где происходило столько необъяснимых для нее вещей.

Она взяла с собой из Мадрида добрую, прямодушную донну Эстебанью, чтобы иметь в Париже хоть одно существо, с которым могла бы поговорить о своей далекой прекрасной родине. Но здесь вокруг нее было так много лицемерия и неискренности, что молодая королева все больше и больше чувствовала себя одинокой.

Виконт Этьен д'Альби отнесся к ней в По с большой преданностью; они в одно время приехали в Париж; его родина была так близко от ее родных мест, что он свободно понимал мелодичный и прекрасный испанский язык; наконец, д'Альби был красивый молодой человек с открытой и благородной душой.

Свита тронулась за королевой по лесной тропинке и вскоре нагнала донну Эстебанию и виконта. Звуки рогов достаточно ясно указывали, где охота, но граф де Люинь распорядился, чтобы несколько камергеров постоянно служили проводниками ее величеству.

В одном месте тропинка оказалась очень узкой, и донна Эстебания воспользовалась случаем отстать, оставив виконта вдвоем с Анной Австрийской, чтобы он отклонял от нее ветки деревьев. Сама она ехала позади, отделяя их от остальной свиты.

— Я очень рада, что могу свободно говорить с вами, виконт, — приветливо сказала Анна Австрийская. — Мне передали одну вещь, которая не дает мне покоя. Я должна предостеречь вас, вы, наверное, не подозреваете об опасности?

— По крайней мере, не боюсь ее, ваше величество.

— Напрасно, виконт, есть опасности скрытые, от которых и самому храброму трудно бывает уберечься.

— Такая опасность грозит мне здесь, ваше величество?

— При дворе творятся странные вещи, которые меня пугают, виконт, но не будем об этом говорить. Мне хотелось бы уберечь вас, потому что ваша храбрая рука мне понадобится.

— Ах, если бы я мог отдать жизнь за ваше величество, — с жаром произнес Этьен д'Альби.

— Этого я бы не желала, виконт, я надеюсь долго пользоваться вашими услугами. Маркиза д'Алансон на днях говорила мне, что вы рассердили маршала Кончини, даже больше, чем рассердили. Говорят, его доверенный поклялся отомстить вам смертью за какое-то оскорбление. Вы улыбаетесь, я знаю, вы смелы, сильны и бесстрашны, но, пожалуйста, исполните мою просьбу — будьте осторожны с этим человеком. Я слышала, что он ни перед чем не остановится и воспользуется первым же случаем, чтобы погубить вас. Пожалуйста, остерегайтесь.

— Слова вашего величества так трогают мою душу, что я никогда их не забуду, — прошептал Этьен дрожащими губами.

— Вы больше не принадлежите самому себе с тех пор, как вступили в ряды дворцовых мушкетеров. Хотите исполнять поручения, которые вам иногда будет давать Анна Австрийская?

— Вашему величеству угодно удостоить меня, мушкетера д'Альби, своим доверием? — спросил Этьен.

— Да, виконт, потому что вы, по моему мнению, заслуживаете этого.

— Каждое приказание вашего величества — священо для меня, в чем бы оно ни заключалось.

— Я не потребую от вас услуги, которая могла бы подвергнуть опасности вашу жизнь, но попрошу об одной вещи, которая имеет для меня огромное значение. Поэтому вы тем более должны беречь свою жизнь. Я вижу, нас ждет свита, больше ничего не могу объяснить вам. Донна Эстебанья на днях проведет вас ко мне в комнаты.

— Всей душой благодарю, ваше величество, — прошептал Этьен, приостанавливая лошадь и снова пропуская вперед обергофмейстерину королевы.

Принц Конде и старый герцог Сюлли стояли у дороги, ожидая королеву с ее дамами и пропуская их вперед. В лесу слышались выстрелы.

Охота была единственной страстью молодого короля, другие еще не проснулись в его душе. Он впереди всех мчался по лесу с графом де Люинем; много ланей и гордых оленей было убито им и доставлено к озеру на сборное место охоты. Анна Австрийская с дамами быстро проехала туда же, а д'Альби, присоединившись к принцу Конде и герцогу Сюлли, принял деятельное участие в охоте.

Скоро все обратили внимание на молодого беарнца, дивясь замечательной меткости его выстрелов. Он соперничал в этом с принцем Конде, и они все дальше и дальше углублялись в чащу. Сюлли и остальные охотники отстали от них.

Верхушки деревьев уже начинали краснеть под лучами заходящего солнца. Принц и д'Альби, увлекшись, вдруг очутились в таком месте леса, которое, по-видимому, оказалось под выстрелами охотников, потому что возле самого плеча Этьена неожиданно просвистела пуля и угодила в дерево. Положение было опасным. Принц Конде крикнул, надеясь, что его услышат и остерегутся. Однако же еще одна пуля просвистела мимо них.

Принцу стало досадно; не обращая внимания на опасность, он с виконтом поехал прямо туда, откуда доносились выстрелы, чтобы положить этому конец. Стрельба в этой части леса показалась им тем более странной, что следы какого-либо зверя здесь отсутствовали.

Вдруг принц Конде громко вскрикнул от боли и гнева. Третья пуля задела ему плечо, и притом довольно сильно, потому что он покачнулся.

Этьен мигом соскочил с лошади и схватил под уздцы лошадь раненого принца, не заметив, что в эту самую минуту шагах в ста от них промелькнула между деревьями фигура маркиза де Шале, спешащего по сигналу на сборное место охоты.

К вечеру король стал пускать соколов на цапель и никак не мог оторваться от бесцельного уничтожения птиц. Когда начало темнеть, он велел графу де Люиню распорядиться, чтобы зажгли факелы и снесли убитую дичь на прогалину к озеру.

Все собрались в назначенном месте полюбоваться при свете факелов убитыми оленями, ланями, кабанами и лисицами, и поздравить друг друга с добытыми трофеями, когда герцог Сюлли, стоявший возле короля, заметил, что принца Конде пока еще нет.

Немного поодаль стояли маршал Кончини с герцогом д'Эперноном, за четверть часа перед тем видевшие, как подъехал маркиз де Шале и смешался с толпой охотников.

Разослали факельщиков искать принца. Рога громко играли сигнал сбора.

Маршал, внимательно оглядывая присутствующих, заметил, что в числе охотников не было также виконта д'Альби. Вероятно, на самом деле случилось то, о чем благородный герцог д'Эпернон говорил с маркизом Шале. Герцог только что собирался сообщить об этом Кончини, как из-за деревьев, в глубине леса, показалась странная группа.

К охотникам приближался, опираясь на виконта, окруженный факельщиками принц Конде с перевязанной рукой и бледный д'Альби. Следом паж вел их лошадей. Виконт подвел принца к сборному месту и усадил на пень.

Д'Эпернон, между тем, с изумлением смотрел на эту сцену. Пуля попала не в виконта, а в принца. Но кого ему напоминало бледное лицо раненого?

— Посмотрите, маршал, — шепнул он Кончини, — не находите ли вы, что в настоящую минуту принц Конде поразительно похож на Генриха IV, когда тот лежал в гробу?

ХП. ГОСТИНИЦА «БЕЛАЯ ГОЛУБКА»

В ту холодную февральскую ночь, когда Магдалену Гриффон преследовала одна мысль — забрать свое дитя, она была совершенно беспомощна и не имела даже крова.

Молодая женщина ушла из того дома, в который маркиз поместил ее, окружив полной заботой и удобствами. После продолжительной болезни и долгой борьбы она наконец решилась бросить все, предпочтя терпеть нужду, только бы иметь возле себя своего ребенка.

И вот наконец мальчик в ее объятиях, она торопливо идет с ним по улицам. Тут только ее по-настоящему охватило сознание своего горького одиночества и страх нужды.

Куда преклонить голову? Кто пустит ее с ребенком? У нее ничего не было; она не могла даже заплатить за ночлег! Уходя, она не взяла с собой ни одного платья из своего гардероба, ни одного колечка, ничего, ровно ничего.

По улицам брела не маркиза де Монфор, а Магдалена Гриффон, которая убежала в одном простеньком платье да в старом коричневом платке, а Магдалене Гриффон ничего не нужно было, кроме своего ребенка. Теперь он с ней наконец! Она могла прижимать его к сердцу и целовать, но не подумала о том, что отныне должна заботиться о нежной малютке, что ему нужен кров для защиты от холода и здоровая пища. Для себя она ничего не желала, но свое сокровище хотела окружить всеми удобствами и радостями.

Укутывая спящего мальчика платком, она бесцельно шла по улицам и очутилась наконец на берегу Сены. Магдалена стояла на набережной и смотрела вниз. Там, в волнах реки, конец всем скорбям и мучениям, конец ее вине и раскаянию. Там начало милосердия Божьего. А дитя? Не лучше ли и этому маленькому, едва взглянувшему на жизнь мальчику совсем не знать тяжестей и страданий жизни? Не лучше ли, если он сейчас же умрет вместе со своей несчастной матерью и разом избавится от многих горьких испытаний?

О, Магдалена Гриффон столько выстрадала и перенесла, и при одном воспоминании об этом, при одной мысли, что на долю ее сокровища может выпасть хоть часть того же, она решилась разом покончить со своей и его жизнью.

Что, если и ему готовится судьба маркиза? Ведь не у всякого хватит силы вынести это. Что, если и ее сыну какая-нибудь женщина делает то же, что она сделала его отцу?

Магдалена Гриффон содрогнулась. Сознание собственной вины так терзало ее, что смерть в эту минуту казалась ей блаженством, и она жаждала ее как лучшего исхода для себя и для своего ребенка.

В то время, как маркиз и Ренарда обыскивали улицы и квартиру, где Магдалена Гриффон прожила пять лет, она с ребенком бросилась в темные волны Сены с набережной д'Орсэ. Раздался пронзительный крик. Даже доведенный до отчаяния человек в минуту смерти, которую сам искал, поддается инстинкту самосохранения.

В самом широком месте Сены раскинулся большой заселенный остров Ночлега. Его называли так потому, что на нем было несколько трактиров и таверн, где могли останавливаться на ночлег не только проезжавшие мимо лодчники и матросы, но и нищие и авантюристы самого последнего разряда. Полиция была рада, что большая часть парижских бродяг по вечерам отправлялась на этот остров, где свободно могла обдирать свои делишки.

Самая большая гостиница поросшего кустами и деревьями острова пользовалась и самой дурной репутацией. «Белая голубка» стояла на обращенной к городу части острова и принадлежала очень уважаемому между нищими Пьеру Гри, который за деньги давал не только приют, но и за известную плату обучал искусству просить милостыню.

Он умел делать калек из здоровых людей, не нанося им увечий, и его советы и указания были так хороши, что никому и в голову не приходило заподозрить обман. Плату Пьер Гри брал различную, в зависимости от сложности проводимых манипуляций. Например, за превращение человека со здоровыми ногами в хромого на костылях платилось дороже, чем за одну искаленную руку. Найти ребенка — уродца от природы стоило дороже, нежели найти здорового и сделать на время калекой или уродцем, благодаря искусству Пьера Гри.

Образцом творчества Пьера Гри были два его взрослых сына, здоровенные молодцы. Он говорил, что они могли бы вдвое больше зарабатывать, если бы не были так ленивы. Каждый день Немой Жан водил слепого Жюля к мосту Нотр-Дам, где они великолепно разыгрывали свою роль, и в старую шляпу Жюля сыпалась богатая милостыня.

Гостиница «Белая голубка» являла собой низенький домишко грязно-серого цвета, выстроенный из кирпича. Окна с зелеными ставнями были занавешены старыми цветными тряпками. Широкая, кривая дверь, перед которой под деревьями стояли грубо сколоченные деревянные скамейки, вела в длинный просторный коридор.

Направо располагалась распивочная, налево — квартира Пьера Гри и его детей. Узенькая старая лестница вела наверх, где размещали постояльцев; впрочем, большей частью они располагались в сараях позади гостиницы.

«Белая голубка» получила такое название не только потому, что на ее старой поломанной вывеске была изображена эта птица с веточкой маслины в клюве, но и по другой причине, которую мы сейчас объясним.

В тот вечер, когда Магдалена Гриффон унесла свое дитя, на деревянном мосту, соединяющем берег с островом, стояло человек тридцать обитателей гостиницы, которые со смехом и криками разглядывали подходившего нового гостя.

Сам по себе этот человек не представлял ничего особенного. Костюм на нем был примерно такой же, как и у остальных: та же помятая круглая шляпа и тот же широкий старый плащ. Неудивительны были также и ругательства, которые он выкрикивал по-английски, потому что в толпе были представители многих национальностей.

Между тем даже седобородый Пьер Гри со своими рослыми сыновьями вышел посмотреть на него. Внимание всех привлекал не сам англичанин, а его спутники — черный медведь, которого он вел на цепи, и маленькая серая лошадка, запряженная в повозку, из которой беспрестанно раздавалось сердитое громкое ворчанье какого-то животного. Англичанин, собираясь переехать мост, по-видимому, намеревался остановиться в гостинице «Белая голубка». Вдруг опять послышалось ворчанье.

— Это тигр! — вскричал желтолицый испанский цыган с длинными растрепанными волосами.

— Дурак ты, Кирила, — крикнул другой цыган, озадаченно сдвинув на затылок красный колпак, — это пантера.

— Эти цыгане глупы, как мулы, — заметил Жан, сын Пьера Гри, — станет пантера так кричать.

— Молчи ты, — загалдели цыгане, грозя кулаками. — На что нарывается этот нищий?

— Молчать, воровское отродье. Будьте благодарны, что вас здесь еще терпят. Берегитесь моих кулаков, желтолицые, — вмешался в спор слепой Жюль.

— Заставим молчать слепого, вон отсюда нищих, — орали цыгане.

— Ого, испанские собаки наглеют. Они отчаянно скалят зубы с тех пор, как из Испании приехала новая особа, — закричали нищие, толпясь около Жюля и Жана.

— Разделаемся с ними, Бельтран, — сказал один из цыган, стиснув зубы. — Эй, Сеппи, Алейо.

Пылкие, обыкновенно не склонные к открытому нападению цыгане видели, что их больше, чем нищих. Завязалась бешеная драка. Подобного рода кровавые сцены были не редкостью на острове Ночлега. Они повторялись почти каждый день и часто кончались смертью одного или нескольких участников.

Началась рукопашная, удары кулаками сыпались направо и налево, потом блеснули кинжалы и испанские ножи. Стоявший на мосту Пьер Гри счел, что пора наконец кончать драку.

— Прочь, не то моих кулаков попробуете. Берегись Кирила! Эй, ты, деревяшка, прочь, вот я вам намну бока! Жан, Алейо, вы меня знаете, — кричал Пьер Гри, пробивая себе дорогу кулаками, — дурачье, в повозке лев. Не варите мозгами, так послушайте, что скажет англичанин.

Угрозы и кулаки Пьера Гри произвели свое действие.

— Я ведь сразу говорил, что это лев, — закричал слепой Жюль, отлично видевший по вечерам. — На сегодня довольно, старик не велел, но проклятый Сеппи, за мной последний удар.

— Эй! — крикнул Пьер Гри англичанину, переводившему сначала медведя через мост. — Кто вы такой? Кто у вас в повозке?

— Я — Джеймс Каттэрет, укротитель зверей из Лондона, — ответил на ломаном французском англичанин. — У меня в клетке молодой лев, а лошадь с острова Исландия, что в Ледовитом океане. Где хозяин гостиницы? Подержите минуту медведя, он вам ничего не сделает. Я схожу за повозкой, у вас чертовски узкий мост.

— Медведя? — нерешительно спросил Пьер Гри.

— Если боишься, отец Гри, давай я подержу, — предложил Жан, уверенный в своей силе.

— Я у вас остановлюсь, есть свободный сарай? — спросил укротитель, передав сыну Пьера Гри цепь беспокойно топтавшегося медведя.

Пока Пьер Гри говорил с англичанином, Жан повел медведя к цыганам и нарочно потряс цепью. Животное сердито заворчал.

— Ну, берегитесь, цыгане, не попадайтесь мне на дороге, — грозно крикнул он, — не то сейчас спущу на вас зверя.

— Тогда ему конец, — ответил высокий цыган Бельтран, замахнувшись ножом, — смотри, не доведи до этого, немой.

— Эй, медведь, иди, попотчуй его лапой, — не успокаивался Жан.

Он тронул раздраженного зверя ногой, а сам с громким отвратительным смехом отскочил от Бельтрана, стоявшего перед ним. Все с

ужасом отступили. Медведь, почуяв свободу, бешено зарычал и мигом поднялся на задние лапы, собираясь броситься на очутившегося перед ним цыгана. Он широко раскрывал пасть и сердито скалил желтые зубы.

Джеймс Каттэрет в эту минуту был на середине моста с повозкой и в вечернем полумраке разглядел, что его медведь идет на задних лапах на цыгана, размахивающего ножом. Но он испугался не столько за человека, которому грозила опасность, сколько за медведя. Он не мог бросить повозку, потому что мост был без перил, узок, и приходилось очень осторожно вести лошадь. Англичанин ругнулся.

— Bear, — крикнул он, — come here! Beast of divil, come here! — Что значило следующее: — Медведь, сюда, чертова бестия.

Но разозленный медведь не слушался. Со всех сторон раздавались крики о помощи, ругательства и смех. Нищие и цыгане в ужасе побежали прочь. Один Бельтран не двигался. Он ждал зверя, сжимая в руке нож.

— Уходи, беги сюда, к сараям, — кричали ему товарищи.

— Прочь! Не быть вам живыми, если вы хоть один волосок тронете на чудесной шкуре моего медведя, — неистово угрожал по-английски укротитель.

Бельтран не понимал его. С пеной у рта медведь уже подступал к нему, собираясь обхватить обеими лапами. Цыган быстро ударил его ножом. Раздался страшный рев и отчаянный крик англичанина, увидевшего, что его медведь упал, а цыган с торжеством направлялся к гостинице, сопровождаемый радостными возгласами товарищей и нищих.

Пьеру Гри, обыкновенно первому судье во всех спорах и ссорах, при этой короткой, небывалой расправе разумнее было остаться у моста, с которого уже довольно быстро спускался Джеймс Каттэрет со своей повозкой.

— Черт возьми, беда моя, — кричал укротитель, — кто мне заплатит за такого дорогого зверя?

В ту минуту, когда он перешел наконец мост, медведь вдруг вскочил. Он, по-видимому, был легко ранен и, страшно разъярившись, с ревом побежал между деревьями, готовый, казалось, разорвать все, что попало бы ему на дороге.

Укротитель бросился за зверем, который скрылся за сараями. Пьер Гри вдруг чего-то сильно испугался. При всей бездушности и испорченности этого укрывателя краденого, и у него было существо, которое он любил и за которое дрожал от страха в эту минуту.

— Жозефина, — вскричал он, сообразив что она в это время всегда бывает у сараев, и медведь может разорвать ее, — Жозефина.

Но в ответ слышались только рев и крик. Пьер Гри бросился к сараям, оставив у моста повозку англичанина. Между тем становилось все темнее, и лишь испуганный зов Пьера Гри, стремившегося спасти свою дочь, свою Жозефину, эхом разносился по острову и по реке.

У сараев медведь, казалось, схватил кого-то прежде, чем подоспел к нему укротитель.

— Глядите, — кричали со смехом цыгане, столпившиеся у гостиницы, — Пьер Гри ищет Белую Голубку. Думает, что ее разорвал медведь.

Рев и крики за сараями не умолкали. Неужели медведь в самом деле схватил дочь Пьера Гри? Тогда она пропала, девушке не справиться со зверем.

Пьер Гри побежал за укротителем, который, несмотря на темноту, уже понял, что медведь попробовал крови. Он страшно ревел и мял что-то у одного из сараев. Сам Джеймс Каттэрет отступил от разъяренного зверя.

— Он разорвал мое дитя, — закричал Пьер Гри и хотел броситься к медведю.

Укротитель схватил его за руки и отташил.

— Не подходите, — сказал он, — только я один могу его усмирить.

— Убейте его, убейте эту бестию! — кричал Пьер Гри.

Сбежались нищие с лопатами, дубинами и вилами. Укротитель мигом схватил зверя за цепь.

— Успокойтесь. Он собаку разорвал.

— Где моя дочь Жозефина? — кричал Пьер Гри.

— Не видал ли кто-нибудь Белую Голубку? — спрашивали друг друга нищие.

— Не ищи ее, старик, — сказал Жюль, — напрасный труд. Она сейчас как уехала в лодке вверх по реке.

— Вверх по реке, одна?

— Да ведь это не первый раз, — ворчливо заметил Жан, — девочка делает, что ей вздумается и разыгрывает хозяйку, а мы — добываем деньги на всех парижских подмостках...

— Молчать! — крикнул Пьер Гри сердито отвернувшимся сыновьям. — Молчать, ступайте по своим делам. Думаете, выросли, набрались силы, так можете самовольничать и упрямиться. Вы меня знаете, я не шучу. Сегодня ночью делайте, что я велел, — прибавил

он тише, — и когда лодка подойдет, позовите меня, надо будет все хорошенько спрятать.

Жан и Жюль, ворча что-то себе под нос, лениво пошли к сараям, а Пьер Гри крикнул нищим и цыганам, чтобы те шли спать. Он боялся, как бы опять не началась драка, да и поздно уже было.

Все утихло. Постояльцы гостиницы привыкли беспрекословно повиноваться старику. Нищие и цыгане разошлись по сараям, где для них на ночь была разостлана солома. Пьер Гри вернулся к англичанину.

— Уходите лучше отсюда, — сказал он, — я не могу держать зверей в моей гостинице.

— Они смиренные, если их не дразнить. Позвольте мне остаться здесь на несколько дней, я вам хорошо заплачу.

— Вы хотите показывать их в городе?

— Не знаю еще. Может быть я недолго здесь пробуду и поеду дальше. Отведите мне отдельное помещение, даю вам слово, что мои звери никому вреда не сделают. Вот и деньги вперед за несколько дней.

Джеймс Каттэрет положил золотой в руку старика, который тотчас сделался сговорчивее.

— Пойдемте, я вам отведу сарай у самого дома, — сказал он и повел укротителя к гостинице, которая в темноте имела еще более мрачный вид и казалась каким-то вертепом, где определенно творились темные дела.

Пьер Гри отворил старый сарай и помог укротителю поставить туда повозку с лошадей, потом и Джеймс Каттэрет вошел туда с медведем и, простившись с хозяином, запер дверь.

Между тем Жан и Жюль пошли в конец острова, где стояло несколько лодок, привязанных цепями к ближайшим деревьям и специально забитым в землю сваям. Плеск воды и мерный скрип цепей создавали какое-то неприятное ощущение в окружающей темноте.

Сыновья Пьера Гри залегли в кустах и стали наблюдать за рекой. Хотя темнота и не позволяла хорошо различать предметы, но все-таки можно было бы увидеть лодку, подходящую к острову.

На другом берегу Сены было так же глухо и тихо, лишь временами раздавался хруст сухих веток, сломанных холодным ветром. Вдруг послышались мерные удары весел. Жан Гри поднял голову и стал прислушиваться.

— Это они, везут товар, отобранный около заставы у проезжего купца.

— Ничего пока не разгляжу, а весла ясно слышу, — прошептал Жюль. — А вот и лодка, но не та, которую мы ждали, эта маленькая.

— Да это девчонка едет. Я ее теперь ясно вижу, — ответил Жан Гри. — Ты не знаешь, куда она так часто ездит по вечерам?

— Не знаю, что мне за дело?

Братья, видимо, не любили сестру, которую на острове прозвали Белой Голубкой за необыкновенно нежный цвет лица. Она была совсем не похожа на членов своего семейства, и только решительность характера и сила, которую трудно было подозревать по ее нежной наружности, показывали сходство ее с грубыми братьями.

Жозефина приближалась к берегу. Казалось, что она не чувствует холода, хотя ее голова, шея и руки были не покрыты, а распущенные волосы развевались на ветру. Возле нее в лодке лежала совершенно безжизненная фигура. Вдруг раздался жалобный, похожий на детский, стон. Братья не могли разглядеть, сколько человек было с Жозефиной, но они встали, надеясь, что она привезла с собой пьяных, а в таком случае можно было все-таки чем-нибудь поживиться, обобрав их без большого труда.

Их фигуры ясно выделялись между кустами, когда Белая Голубка легко выскочила на берег и привязала лодку к столбу. Жозефина, по видимому, не замечала карауливших братьев и, подтянув лодку к самому краю берега, с глубоким состраданием на лице вытащила из нее какую-то женщину.

Это была совершенно незнакомая ей Магдалена Гриффон. Жозефина проезжала мимо как раз в ту минуту, когда несчастная с ребенком бросилась в воду.

Она все видела, слышала крик и с ужасом следила за страшной драмой, разыгравшейся рядом. Вокруг не было ни души. Она одна видела мать и ребенка.

— Святая Дева! — вскричала Жозефина и быстро направила лодку к тому месту, где несчастная исчезла под водой.

Девушка наклонилась, пристально вглядываясь в воду, когда несколько в стороне от нее показалась над водой все еще крепко держащая дитя женщина. Не теряя времени, Жозефина направила лодку к тому месту, где только что видела бледное лицо тонувшей женщины и где раздался крик мальчика. Но едва она успела подъехать, как они опять исчезли в волнах.

Дочь Пьера Гри знала, что утопающие выплывут еще раз, и направилась туда, где, по ее расчетам, они должны были опять вынырнуть. Она верно рассчитала. Голова женщины действительно показалась у самой лодки. Жозефина схватила несчастную за руку, которой

та придерживала дитя, вырвала у нее почти захлебнувшегося мальчика, потом с большим усилием втащила и окончательно потерявшую силы женщину, едва не перевернув при этом лодку.

Мальчик очнулся, он дрожал от холода и жалобно плакал, а мать лежала как мертвая. Еще можно было надеяться спасти обоих, если удастся поскорее довести их домой. Она взялась за весла и поплыла к острову.

Шагнув к лодке, Жюль уже собирался обыскать утопленницу, чтобы отобрать у нее драгоценности. Жозефина быстро загородила ему дорогу.

— Прочь, пошел вон! Не смей дотрагиваться до этой женщины, — крикнула она.

Брат захохотал.

— Ого, она теперь хочет сама на себя работать, — сказал стоящий поодаль Жан.

— Прочь, говорят тебе, или я закричу, а вы знаете отца. Прочь с дороги.

Жозефина с трудом подняла на руки бесчувственную женщину. Сострадание и досада на братьев, которые отпускали ей вслед грубые шутки, придали ей новые силы. Она отнесла Магдалену в гостиницу и, положив ее на постель в своей комнате, побежала за мальчиком.

Она решила сделать все, чтобы спасти обоих.

ХIII. МАРИЯ МЕДИЧИ

— Ваша супруга, маркиза д'Анкр, говорила нам, маршал, что вы хотите сообщить нечто важное, — сказала королева-мать вошедшему к ней в кабинет и поклонившемуся Кончини. — Мне интересно узнать, в чем дело?

Мария Медичи села в золоченое кресло у черного мраморного стола, на котором стоял превосходный письменный прибор тоже из черного мрамора и лежало несколько бумаг.

По стенам висели картины знаменитейших художников того времени — Россо, Фремине, Бланшира и Симона Буэ. На камине между часами и вазами стояли великолепные статуэтки. Шелковые портьеры, затканые золотом, занавески на окнах из дорогой парчи и ковер на полу, точно усыпанный цветами, дополняли убранство кабинета.

Мария Медичи была расточительна и любила искусство. Ее дворец поглотил огромные суммы из казны. Его строили знаменитейшие архитекторы по образцу дворца Питти во Флоренции. Мария

Медичи сама просматривала планы и отдавала распоряжения при строительстве.

Темно-зеленое атласное платье роскошными складками ниспадало вокруг ее величественной фигуры. Откинувшись на спинку кресла, она играла маленьким, изящно разрисованным перламутровым веером.

Возле нее стояла Элеонора Галигай, честолюбивая супруга Кончини. Она выразительно переглянулась с маршалом. Королева-мать была достаточно подготовлена. Шахматная игра, задуманная этими двумя людьми, ненасытно стремившимися к могуществу и почестям, могла начаться. Надо было смело и решительно действовать, чтобы истребить опасность в самом зародыше.

— Странные вещи происходят сегодня не только в Лувре, но и за стенами его, — начал Кончини. — Мушкетеры осмелились открыто, на улице, напасть на отряд швейцарских гвардейцев, среди которых был Антонио, преданный мне человек, и прогнали их с разбитыми головами. К этой драке привел спор, о котором я лучше умолчу.

— Не скрывайте от меня ничего, маршал. Ваша обязанность говорить мне все.

— В таком случае... Мушкетеры осмелились восстать против швейцарцев за то, что последние кричали ура вашему величеству, называя вас королевой Франции.

— Если это не пошло дальше, маршал...

— Они стали бить Антонио и его товарищей. Один тяжело раненный умер на месте. А главное, что в числе четырех мушкетеров, спровоцировавших кровавую сцену, был тот самый виконт д'Альби, которого я посылал на улицу де ла Тур арестовать пастора Лаврентия и который дал ему уйти.

— Четыре мушкетера. Кто же три другие? — спросила Мария Медичи.

— Маркиз де Монфор, монсеньор Луиджи, прозванный мушкетерами Каноником, и Генрих де Сент-Аманд, которого называют Милоном Арасским.

— Очень жаль, маршал, что мы не смогли привлечь на свою сторону таких смелых и энергичных офицеров, действующих так единодушно.

— Я все сделал, ваше величество, чтобы привлечь их на нашу сторону. У нас при дворе слишком сильные и деятельные противники. Против вашего величества организуется большой заговор, и дело, по

моему мнению, примет самый дурной оборот, если не употребить быстрых и решительных мер.

— Заговор? Объясните подробнее, маршал, где же источник его?

— Боюсь заслужить немилость вашего величества, мои слова могут быть восприняты как государственная измена.

— Не беспокойтесь, любезный маркиз. Если вы уверены в том, что знаете, вы не подвергаетесь никакой опасности: только виновные могут бояться, даже если они коронованные особы.

— В таком случае начало заговора кроется на половине его величества короля.

Изумленная Мария Медичи встала.

— Элеонора, — обратилась она к своей приближенной, — и вы говорили то же самое, что это значит?

— Маршал, я вижу, имеет счастливую возможность сообщить вашему величеству очень подробные сведения, иначе бы он, без сомнения, не решился сказать то, что сейчас сказал, — холодно и самоуверенно ответила Элеонора.

— Заговор, против нас, на половине нашего сына... Это невозможно, невысказано.

— Очень скоро появятся еще более ясные свидетельства, нежели те, которые мы имеем теперь, и тогда будет поздно тушить пожар. Цель заговора — всеми дозволенными и недозволенными средствами вырвать власть из рук вашего величества и отдать ее в руки наших злейших врагов.

— Вы слишком мрачно смотрите, маршал, и слишком много обращаете внимания на пустые придворные интриги.

— Я постоянно охраняю ваше величество, — ответил Кончини, почтительно кланяясь.

— Знаю и очень благодарна за это вам и вашей супруге. Но все-таки в настоящую минуту вы придаете интригам слишком большое значение, любезный маршал. Король очень доволен тем, что я избавляю его от забот правления, и охотно подчиняется моим решениям и советам.

— Подчинялся до сих пор, ваше величество, а теперь все может измениться.

— Отчего такие мрачные предсказания, они основываются на ваших словах, Элеонора?

— События, о которых, без сомнения, маршал доложит вашему величеству, наверное сойдутся с тем, что я узнала по звездам и древним предсказаниям — вашей короне грозит большая опасность, ваше величество, — бесстрастно произнесла Элеонора.

— Ваши предсказания постоянно сбывались, дивлюсь вашему таинственному искусству... Скажите же, Элеонора, откуда мне ждать опасности?

— От врага с княжеской короной, ваше величество, — ответила хитрая и опасная интриганка, сохраняя невозмутимость на лице.

— Обвинение смелое, Элеонора.

— Я передаю только то, что мне сказали звезды, ваше величество.

— Ваш супруг, вероятно, подробнее объяснит нам это, — обратилась Мария Медичи к Кончини. — Что вы находите опасным, маршал?

— Осмелюсь напомнить вашему величеству, что по вине виконта д'Альби не удалось, к сожалению, арестовать патера Лаврентия, что благодаря опасной интриге он скрылся, и что с этим фактом связано таинственное видение в луврской галерее.

Глаза королевы-матери грозно сверкнули.

— Так вы знаете, маршал, кто позволил себе с нами эту неслыханную шутку? — скороговоркой спросила она.

— Думаю, что знаю, ваше величество, и вижу в этом связь с тем, о чем я уже говорил. Бесследно исчезнувшим патером Лаврентием воспользуются как орудием, чтобы его величество короля...

— Не договаривайте, это ужасные предположения, — поспешно перебила Мария Медичи, — называйте мне факты.

— Виконт д'Альби дал уйти патеру. Я постоянно должен возвращаться к этому пункту.

— И патера нигде не могут найти. Надо сознаться, что мне замечательно дурно служат, — горячо вскричала королева-мать.

— Употреблены были все меры, чтобы лишить его возможности вредить, и если все оказалось безуспешным, ваше величество, так это можно объяснить только одним.

— Чем же?

— Патер имеет очень высоких покровителей, ваше величество.

— Вы, вероятно, напали на какой-нибудь след, знаете этих покровителей?

— Я назову два обстоятельства, как вашему величеству угодно требовать. На сен-жерменской охоте принц имел несчастье захватить с виконтом д'Альби в такое место леса, к которому направлены были выстрелы охотников. Пуля задело плечо принца.

— Рана, говорят, не опасна, принц уже выздоровел.

— Когда вечером, при свете факелов, виконт д'Альби подвел раненого принца к сборному месту охотников...

— С каких это пор виконт сделался приближенным принца? — перебила Мария Медичи.

— С той ночи, ваше величество, когда виконт дал уйти патеру Лаврентию, которого был послан арестовать.

— Тогда этого беарнского виконта следует задержать и как следует допросить. Но продолжайте.

— Когда факелы осветили побледневшее лицо раненого принца, стоявший возле меня герцог д'Эпернон шепнул мне, что в эту минуту принц был очень похож... На его величество покойного короля.

Мария Медичи вздрогнула и, полузакрыв глаза, взглянула на Кончини. Ее осенила одна весьма возможная догадка.

— И вы тоже нашли сходство? — спросила она после тяжелой минуты молчания.

— Должен был согласиться с герцогом д'Эперноном, ваше величество.

— А вы, Элеонора, тоже говорили, что у меня есть враг?

— Я так прочла по звездам, ваше величество.

— Если предчувствие не обманывает меня, — вполголоса с угрозой произнесла Мария Медичи, — они увидят то, чего никогда не видели. Я имею власть, чтобы посадить этого врага в Бастилию и даже вытащить на Гревскую площадь. Меня не пугает поверье, что лица, родственные королевскому дому, неприкосновенны. Я не оставляю виновного без наказания.

— Есть еще факт, подтверждающий, что принц Генрих Конде с особенным доверием относится к виконту д'Альби после той ночи, когда исчез патер Лаврентий, — сказал Кончини, достигнувший своей цели.

— Вы очень зорко следите за всем, маршал. Если бы не вы с Элеонорой, я до сих пор ничего бы не подозревала и оставалась бы спокойной. Тогда как теперь самое время действовать, — сказала Мария Медичи. — Говорите, что вам еще известно?

— Надеюсь напасть на след патера, я в ту ночь велел тайно обыскать квартиру виконта д'Альби.

— Отлично сделали, что же вы нашли?

— Перчатку с княжеской короной и буквами Г. К.

— Генрих Конде, без сомнения, и перчатку нашли в квартире виконта... — пробормотала королева-мать. — Она могла случайно остаться у виконта после охоты. Он был с принцем, когда его ранили.

— Простите, ваше величество, это невозможно, — с улыбкой ответил Кончини, — перчатку нашли у мушкетера накануне.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Коронация	5
II. Убийство короля	11
III. Равальяк	15
IV. Таинственная свадьба	21
V. Образцовое искусство палача	28
VI. Анна Австрийская	31
VII. Патер Лаврентий	40
VIII. Черное братство	45
IX. Похищение ребенка	50
X. Призрак короля	53
XI. Охота в Сен-Жермене	59
XII. Гостиница «Белая голубка»	67
XIII. Мария Медичи	75
XIV. Беарнец	81
XV. Тайны замка Роган	88
XVI. Магдалена и Жозефина	91
XVII. Бал-маскарад	99
XVIII. Злой гений короля	117
XIX. Флорентийский продавец соколов	125
XX. Ужасы Бастилии	133
XXI. Элеонора Галигай	145
XXII. Последний час Патера	151
XXIII. Розовая беседка	162
XXIV. Смерть маршалу	171
XXV. Арест королевы-матери	180
XXVI. Преступная любовь	189
XXVII. Парижская колдунья	197
XXVIII. Нарцисс	211
XXIX. Месть народа	218
XXX. Друзья	223
XXXI. Замок уединения	230
XXXII. Пожар	237

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Письмо	245
II. Бекингэм	252
III. Шпион королевы-матери	261

IV. Милон спасает ребенка	272
V. Белая Голубка	279
VI. От Лондона до Парижа	286
VII. Дуэль	293
VIII. Преследуемый обращается в преследователя	302
IX. Нищенка из Сен-Дени	311
X. Красная эминенция	315
XI. Тайна маленького замка	333
XII. Ночное посещение короля	345
XIII. Кто победит?	356
XIV. Сын мушкетеров	367
XV. Ночь в Венсене	378
XVI. Молодая придворная судомойка	391
XVII. Башня в замке	400
XVIII. Заговор в Люксембургском дворце	405
XIX. Телохранители кардинала	410
XX. Нападение	422
XXI. Портрет королевы	429
XXII. Габриэль де Марвиле	440
XXIII. В приемной	446
XXIV. Тайный агент	452
XXV. Измена	461
XXVI. Эминенция красная и эминенция серая	471

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. День рождения короля	475
II. Торжество	483
III. Жюль Гри	491
IV. Привидение в маленьком замке	497
V. Папаша Калемассе	507
VI. Мушкетеры королевы	515
VII. Яд Медичи	520
VIII. Тайна одной сентябрьской ночи	526
IX. Нинон Ланкло	532
X. Анна Австрийская прекращает дуэль в луврской галерее	544
XI. Заживо погребенный	552
XII. Сын нищей	558
XIII. Материнское сердце	566
XIV. Заговор	574
XV. В Люксембургском дворце	582
XVI. Старый Пиньерольский замок	591
XVII. Эшафот на площади Де-Серро	610
XVIII. Встреча в лесу	615
XIX. Смерть Ришелье	624
XX. Старые знакомые	628

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Мазарини.	637
II. Тайный суд	643
III. В склепе церкви Сен-Дени	658
IV. Бегство	665
V. Спящий король	675
VI. Во дворце герцога	684
VII. Племянницы кардинала	691
VIII. Железная Маска	696
IX. Магдалена Гриффон	706
X. Людовик XIV	715
XI. Признание герцога д'Эпернона.	723
XII. Нарцисс	732
XIII. Анна Австрийская оставляет двор	744
XIV. Генерал д'Альби	750
XV. Свидание	768
XVI. Мать и сын	780
Заключение. Свадьба	786